

Владимир СИЛКИН

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Книга переводов

Издательство «ЗЕБРА»
Белгород, 2017

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 82-14

С363 Ночной дождь: стихи/
Владимир Силкин. -
Белгород: Издательство
«Зебра», 2017. - 270 с.

В книгу лауреата Государственной премии России, заслуженного работника культуры Российской Федерации, секретаря Союза писателей России, председателя Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, Почётного гражданина Рязанской области Владимира Силкина вошли переводы стихотворений с болгарского, черногорского, персидского, китайского, украинского, ингушского, осетинского, калмыцкого, тувинского, хакасского языков, с языка непали.

16+

ISBN 978-5-9906374-7-4

© Силкин В.А., 2017

© Издательство «ЗЕБРА», 2017

БЛИЗОСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Поэзия Владимира Силкина произвела на меня впечатление ещё четыре-пять лет тому назад, как поэзия проявления тесной связи современника с родным краем, как поэзия, в которой близость с землёй и с природой является прямой, со всеми своими естественными, тёплыми, оттенками, – тонкой, чувствительной души, общающейся одновременно, с обозримым и бесконечным.

Стихи Владимира Александровича Силкина не являются обычными, одноплановыми, – они носят сложный и глубокий характер, потому что, достаточно полифоничны.

И когда мы их читаем, то у нас складывается ощущение, будто человек сливается с природой, а чувства наши являются неотъемлемой частью мироздания, и, что характерно и неповторимо, делают нас носителями этого восприятия – собственного первородства и своего собственного следа в жизни. И вопреки тому, что тревожное и буреносное, зачастую, сопровождает наши земные путешествия, нечто яркое, блистательное, ассоциируется с силой наших корней, с их живым присутствием в наши дни, и с их глубиной.

Несомненно, больше, чем в ребёнке, у Владимира Силкина заложена и сформирована эта чувствительность к исконному, без которой, – ни Поэзия, ни Творчество, просто немыслимы и невозможны – для любого настоящего поэта.

Само волнение возвращения в родные края, предчувствие чего-то нового, реально заряжающего дух поэта, при встрече с природой и красотой родимых мест и просторов, вызывают у

него Вселенские Откровения и Размышления – о земных и небесных моментах, – и в качестве оценки прохождения времени, и как стремление к идеальной любви, идеальной и возвышенной духовности.

Всё это достигнуто Владимиром Силкиным безо всякого напряжения, неоправданной фанфаричности, что и характеризует силу его таланта, одаривающего и его, и нас прекрасными образцами словесного мастерства сердца.

Как поэт, он обладает чувством красоты земного мира, нормальной для каждого из нас идеализацией, но примеренном на себя, и в рамках самооценки и самовзыскательности.

Именно это и определяет Владимира Силкина, как одного из наиболее крупных современных поэтов России и нашего времени, и придаёт его творчеству общечеловеческий, универсальный характер. Творчество, которое волнует нас сегодня, и о котором ещё не раз будут говорить.

Станислав Пенев, член Союза болгарских писателей, член Славянской литературной и художественной академии, Председатель Ассоциации литературного общества (СЛОВ), создатель, организатор и ведущий Литературного салона – Варна, главный редактор газеты «Литература и Общество» с приложением «Есенинский бульвар», заведующий библиотекой «Литературное общество».

ПОЭЗИЯ ЕСТЕСТВА

Владимир Силкин – поэт, сильно привязанный к Родине, к родному краю.

В его поэтическом голосе звучит постоянная близость творца к самым любимым дорогим местам – местам его детства, отрочества, местам первой близости с миром, местам, где каждый осознает и поймёт себя, прежде чем социально адаптируется и вольётся в общее течение своего времени.

Его поэтические импульсы, связанные с ностальгией по прошлому, обусловлены именно волнением, которое вызывает в нём и сегодня, всяческие воспоминания, каждое, даже мысленное, возвращение. Кроме того, это возвращение к природе, к природе – матери человека и, следовательно, эти импульсы являются не только здоровыми отношениями с ней, но также обусловлены обеспокоенностью – об утраченном или безвозвратно утерянном.

И основное в лирике Владимира Силкина связано, прежде всего, с родной землёй. Это является и основным взглядом на природу в её самых волнующих чертах. Край родной, в его лирике, принимает различные первообразы, но прежде всего, автор обращается к образам отца и матери, родственников и друзей. С детства поэта связывали и его ранние поэтические импульсы, порывы. Это, – и есть причина, по которой они – свежи и чисты. И эта чистота в лирике Силкина ощущается во всём его творчестве.

В детстве поэта формировало его мироощущение, творческая его мораль, его

восприятие жизни. Именно, через чувство Родины видит он мир, и любит его.

Дорог и незабываем родной дом поэта. Но очень много редких и коротких мгновений, в которых лирическое «Я» вполне удалось вернуть реально, – в него, самого. Возвращение становится, скорее, воображением. Очень большую роль при этом играет память.

Прекрасная природа, которую мы находим в стихах Владимира Силкина, скорее, это только повод для философского переосмысления жизни. Потому что эта лирика имеет полное право на существование. Поэт говорит о бренности и быстротечности человеческой жизни, ибо, слишком коротко время, которое нас отделяет от Создателя, Творца Земли, чтобы наслаждаться вечной красотой природы, которая бессмертна.

Радость в этом тексте смешивается с грустью и болью от недостигнутого, потому что в нашей жизни всегда остаётся нечто, о чём мы мечтали, но так и не успели осуществить. И поэтому лирика В. Силкина драматична, что, несомненно, и придаёт ей глубину. Поэта неизменно тревожит тот факт, что родные места постепенно пустеют, а основная надежда – молодые люди – уезжают в крупные города и мегаполисы.

Гуманизм занимает центральное место в этой лирике. Поэт преклоняется перед человеком, перед его житейскими муками и болью. Его поэтическая молитва взывает к добру, во благо человека, чтобы не было ни войн, ни врагов, и люди стали отзывчивей и человечнее.

Проявляется в этой лирике и чисто любовное чувство...

Неспокойна и тревожна поэзия Владимира Силкина, в ней чувствуется внутреннее напряжение, порождённое несовершенствами жизни.

Но поэт не стремится к усложнённой метафоричности. Его образы естественны, и доступны всем нам. И поэт видит их во всей своей красоте, и, благодаря тонкости восприятия, помогает нам их приоткрыть и обрести. А, стало быть, и сопереживать.

Через свою лирику автор стремится выразить себя самого, отгораживаясь от всякой литературщины и сочинительства, опираясь, лишь, на пережитое и личный опыт. А это означает, что состоявшаяся наша встреча, – это встреча с подлинным поэтом, в творческой основе которого, – ТАЛАНТ!

Никола Иванов, литературный критик, член Союза болгарских писателей, лауреат Национальной литературной премии «Иван Динков», обладатель многих наград в области литературной критики Союза болгарских писателей.

ВООДУШЕВЛЁННЫЙ РОДИНОЙ

Поэт, прозаик, журналист, переводчик, заслуженный работник культуры России Владимир Силкин родился в 1954 году в г. Рязске, в одном из красивейших маленьких городков на родине Есенина – в Рязанской области. Здесь он вырос, окончил школу. Именно тогда осуществил первые поэтические опыты. И чем дальше, тем они становились серьёзней. И в один из прекрасных дней строчки поэта появились на страницах районной газеты «Авангард». Они были замечены и рядовыми читателями, и специалистами литературного мира. Это и определило дальнейшую судьбу и литературный путь молодого парня. Однако этот путь отличается от многих других писателей в сугубо литературном творческом плане. Призванный в Вооружённые Силы, молодой человек, имеющий серьёзные поэтические устремления, пройдя срочную военную службу, дальнейшую свою судьбу решает связать с армией. И его жизнь проходит в двух, кажется, несовместимых областях. Армейская служба, строгая походная жизнь и литературно-творческая работа. Нетрудно представить, сколько человеческой энергии, труда, терпения, преданности и верности любимому делу необходимо иметь одновременно, чтобы быть образцовым офицером русской армии, и достойным представителем русской поэзии. Владимиру Силкину это удаётся в полной мере.

Сорок лет из своей 60-летней жизни он посвятил советской и её наследнице – российской армии, пройдя путь от рядового до полковника. За

время пребывания на ответственных должностях удостоен многих благодарностей и наград. Он и сейчас является полковником запаса, начальником военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил Российской Федерации.

Одновременно Владимир Силкин прошёл путь от молодого поэта до зрелого мастера, занял своё место в русской поэзии. Сегодня он один из самых признанных писателей, кавалер ряда престижных литературных премий, а в 2009-м году Указом Президента России удостоен звания лауреата Государственной премии России.

Для поэта родной Ряжск – один из красивейших и заветных уголков мира, основа государственности, и без него для Владимира Силкина России нет. Не случайно, недавно вышел его новый сборник стихов «Осень в Ряжске», о городе, который является «малой родиной» поэта. Его неповторимая природа, неотделимые от него люди, и просты, и непосредственны.

Спасибо, Ряжск, за дружбу и за встречи,
За то, что ты состариться не смог!
А что ещё, как дружба, душу лечит,
А что ещё спасает от тревог?!

Конечно, ты и старше, и мудрее,
Всегда поймёшь, и добрый дашь совет.
А душу мне неостудимо греет
Твой васильковый, твой небесный свет.
(«Спасибо, Ряжск!»)

Необозримо глубока преданность В. Силкина родным местам, и, безусловно, приятно, что эта любовь взаимна. Библиотека номер два города носит его имя, он удостоился звания почётного гражданина г. Ряжска. Он всегда здесь желанный гость.

Русский читатель знает Силкина, как яркого и самобытного поэта, который на протяжении многих лет неустанно ткёт свои тонкие душевные поэтические полотна. Настоящий мастер, он умело использует и яркие, и печальные цвета.

У писателя фактически не было бесплодных лет, им написано более 35 книг, и он не останавливается на достигнутом, размышляет над жизнью, пишет, в том числе и для детей. Им опубликованы многочисленные статьи, эссе. И это закономерно, ему есть, что сказать людям, поскольку поэт является одним из ведущих авторов России, работающих в такой серьёзной – военной теме.

К этому хочу добавить, что он и автор текстов к более, чем 500 песням, которые украшают репертуар многих певцов, ансамблей и групп.

Глубокие мысли, яркие образы, напевность – вот основные черты поэзии Владимира Силкина. Поэт усвоил лучшие традиции отечественной поэзии 19-20 веков, которые чудесно проявляются в его произведениях, посвящённых малой Родине, России, лирических и любовных стихах.

Как редактор этой книги, я с большим удовольствием рекомендую данный сборник армянской читательской аудитории. К тому же эту книгу перевёл один из любимых поэтов и переводчиков современной Армении – Левон

Блбулян. Он, на мой взгляд, сумел сохранить творческие особенности и тонкости автора, оставаясь верным его стилю и духу. Читатель воспринимает Россию через яркое и впечатляющее слово, завораживается глубокими поэтическими переживаниями и устремлениями, раздумьями.

Я убеждён, ценителей поэзии ожидает приятная встреча с талантливым и самобытным русским поэтом Владимиром Силкиным, который прежде всего воспевает добро и любовь.

Альберт ОГАНЯН, профессор, секретарь Союза писателей России.

Предисловие к книге «Русский ветер», вышедшей в ереванском издательстве «Астхикгаратун» («Дом литературы») в 2013 году.

Гриша ТРИФОНОВ,
перевод с болгарского языка

А ЗАВТРА?

Воскресенье. Харманли*. Октябрь...
Солнца на деревьях не осталось,
А без солнц багряных я озяб
И на сердце холод и усталость.

Паутинки воздух режут вновь,
И листва по небу не летает,
И Беко** неспешно про любовь
В паутинки песнь свою вплетает.

Сотни солнц сгорают на кострах,
И кричат, в безумии немея,
И малюет солнце детвора
На бумажных серых крыльях змея.

Крепко паутиновую нить
Держат руки, сделавшие змея.
Он, как солнце, будет в небе жить,
И упасть на землю не посмеет.

Змей бумажный расплетает сеть
Песни и печальной и красивой.
И Жильбер Беко решает спеть
И сказать единственной: «Спасибо!»

Но уходит навсегда она
В чьи-то взгляды, нежные объятия,
И мелькает женская спина,
Вросшая в сатиновое платье.

Я уверен, завтра дождь пойдёт,
Хриплый ветер постучит в оконца,
И клочки на площадь наметёт
Грязного обветренного солнца.

25 апреля 2010

Харманли* – город в Болгарии, находится в Хасковской области, входит в общину Харманли.

Жильбер Беко** – (27.10.1927 – 18.12.2001), француз, настоящее имя Франсуа Жильбер Сийи. Певец (исполнитель песни «Натали», записанной в Москве), композитор, пианист, актёр.

СТЕНА

Я добрался сюда в полнолуние.
Дождь прошёл, и отмылась стена.
Но, казалось, счастливая, юная,
За стеною бродила луна.

И казалось, дождём потревоженный,
Эхом давним в сырых деревьях,
Чей-то слышался голос восторженный
На стене, сохранившей слова.

Сняв ботинки разбитые старые,
И оставшись с природой на вы,
Различил я под чуткой гитарою
Голосок побледневшей травы.

Я не думал, что так вот окончится
С буйной юностью встреча моя,
Что под камнем от ярости корчится
Поджидавшая встречи змея.

Но она ничего мне не сделала,
Поглядела, сквозь стену ушла.
На лицо её белое-белое
Маска прошлого плотно легла.

Но запомнил глаза её гордые,
Как сияние лунных огней,

Ядовитые зубы, но стёртые
Поцелуями прожитых дней.

Я запомнил ту сцену короткую,
Золотую её чешую,
Как последнюю песню, но кроткую,
И последнюю память мою.

Я прижался к стене неожиданно,
Сердце ребра раздвинуло мне.
И услышал, как нервно дрожит она,
Сколько боли таится в стене.

Я ей что-то шептал, успокаивал,
Убеждал, что моя, мол, вина:
«Вы не знаете даже, какая вы!»
И заплакала горько стена.

АРХИПЕЛАГ

Мне приснилось, я архипелаг,
Спят под пальмами аборигены.
Позабыв о насущных делах,
Получая от солнца рентгены.

А вокруг океан, океан,
Вездесущие рыбы в кораллах...
И подумалось, я же не пьян,
Ведь и ты тут с утра загорала.

Стаи птиц пролетают, шурша
Надо мной золотыми крылами,
И взирает на остров душа,
Над горами паря и полями.

Подо мной, нагоняя волну,
Выбираясь на свет из зелёнки,
Проверяют сейчас глубину
Вездесущие лодки-долблёнки.

Мне приснилось, я архипелаг,
По груди моей ползают крабы.
Всем, живущим в других поясах,
Это надо представить хотя бы.

По лицу мои слёзы текут,
Только не превращаются в реки.

А несчастные темзы живут,
Растворяясь в сознание навеки.

В них сейчас пропадает икра,
Умирают семейства форели.
Мне проснуться, пожалуй, пора,
А виденья опять одолели.

Мне приснилось, я архипелаг,
О спасенье взывают атланты.
На руках на моих и ногах
Затонувшие их бриллианты.

Я бужу их, стараюсь поднять,
Показать им дорогу на сушу.
Я готов их, как братьев обнять,
И впустить обогреться их в душу.

Я клянусь, удивится луна,
Что трагедии больше не будет,
И вернуться в свои времена
Из бессонницы новые люди.

Станут Библию, Гимн и Устав
Почитать, не лентясь, неустанно,
И в безверии жить перестав,
Жить под знаменем Родины станут.

Мне приснилось, я архипелаг.
Но такого мне даром не надо.

Я хочу быть всегда при делах,
В объективе любимого взгляда.

Я согласен на малую часть
Той земли, что меня воспитала,
Что дала безграничную власть
Быть собою. А это немало.

Пусть куда-то плывут корабли,
И летят перелётные птицы,
Только вот не уйти от земли,
Где мне выпало счастье родиться.

Ну, куда мне от этих дорог,
От полей, без конца и без края?!
Если дал эту землю мне Бог,
Не нужна никакая другая.

БЕРЕЗА

Плачет во тьме и плачет,
Видимо, неспроста,
Что ничего не значит
Вечная береста.

Ветер, дожди и солнце,
Белый и чёрный цвет.
Всё, как у смертных, рвётся,
Также бессмертья нет.

БУРГАС

Вы бывали на краю земли
И любовь доселе не нашли?!
Вот и я из скользких рук её
Выскользнул, оставив ей бельё.
А она хотела обнимать,
Гладить, возвышать... А понимать?
Понимать не думала она,
И тогда пришла любви хана.
И тогда призналась мне река:
– Буду жить в любви с тобой века.
Только есть условие одно
И не обсуждается оно.
Я пою водою дерева,
И пока дарую, я жива.
Я катаю женщин на спине,
И они сбегаются ко мне.
Слушают как шустрые коньки
Проживают весело деньки,
Плавают на спинах, не таясь.
– А какая в этой дружбе связь? –
Я спросил. И понял, что сглупил.
Ведь и я за доброту любил.
Видно, так устроено давно:
Помнишь все, когда идёшь на дно.
А любовь стремится к устьям рек,
Где, как рыба, счастлив человек.

Бургас* – город и курорт в Болгарии, на Чёрном море.

ВЕЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Юг, декабрь – почти, что выдумка:
Марширует зимний дождь.
Говорю тебе я: «Выйдем-ка,
Без дождя не проживёшь!»

Говорю тебе я искренне
О немислимых вещах.
Только снег с дождём изысканный,
Полицейские в плащах.

Снег над крышами старается
С лёта в лужи не упасть,
Он не хочет, упирается,
Чтобы сразу не пропасть.

Но, подснежник! Что он делает?!
Он сбивается с пути!
И его рубашка белая
Будет чёрною почти.

И весна придёт безвольная,
Растеряв вишнёвый цвет.
И с тобою будет больно нам
От того, что счастья нет.

Лето выдастся погожее,
И три месяца его,

На другие не похожие
Будут все до одного.

Всё на что-нибудь да спишется,
Тишина пришла не зря,
Но за ней дыханье слышится
Трёх листков календаря.

Ты сорвёшь их и расстанешься
С этим летом на века,
Только ты со мной останешься,
Только будешь ты близка.

Август в город входит медленно,
Словно женщина, светла,
Что прошла и не заметила,
Но печалью обдала.

Только осенью случается –
Повторяется как встарь,
На чужой стене качается
Этот вечный календарь.

Говорю тебе я искренне
О немислимых вещах.
Только снег с дождём изысканный,
Полицейские в плащах.

ВОСКРЕШЕНИЕ

В белые платья разлук
Бывших подруг одеваю.
Вены тоскующих рук
Неосторожно вскрываю.

Ради безумной любви
Снова и снова страдаю
И на горячей крови,
Что со мной будет, гадаю.

ГАРНИЗОННЫЙ ВАЛЬС

Пью с лейтенантами пиво холодное,
Быстро хмелеют они.
Господи, как же напитки народные
Действуют в тёплые дни!

Голуби белые музами кажутся,
Музыка льётся рекой.
И музыкант гарнизонный куражится
Под офицерской рукой.

Незачем ноты ему перелистывать,
Щёки надул, словно мяч,
Кружится в парке мелодия чистая,
Воздух, как порох горяч.

Хрупкою тонкою властною палочкой
Правит полковник сейчас,
И поднимаются, кружатся парочки,
И продолжается вальс.

Пиво своё лейтенанты оставили,
Сразу приходят в себя,
И на танцующих взоры направили,
Кудри свои теребя.

О, гарнизонная музыка светлая!
Жаль, что она коротка.

Эта перчатка дрожащая белая
И на погонах рука!

Звёздочки радостно-радостно светятся,
Кружит танцующих вальс,
Может быть с первой любовью да встретится
Здесь лейтенанты сейчас.

Полдень звенит и никак не кончается,
Пиво остыло давно.
Вот и земля под ногами качается,
Но не уйдёт всё равно.

И у меня настроенье бедовое,
Вспомнился вальс при свечах.
Кажется, светлые звёздочки новые
И у меня на плечах.

Стройный полковник под грабом
пристроился,
Чтоб отдохнуть от жары.
И музыкант озорной успокоился,
Вышел уже из игры.

Пью с лейтенантами пиво холодное,
Но исчезают они.
Господи, как эти вальсы народные
Действуют в тёплые дни!

ГОРОДА I

Города живут без нас бесшумно,
Мостовая корчится без нас.
А ведь мы ходили с видом умным,
Ослепляя встречных светом глаз!

Здесь звучали вальсы и фокстроты,
Сердце воспаляя вновь и вновь,
И почти случайно, но кого-то
Находила первая любовь.

Может, этой ночью вам не спится,
А другим не спится никогда,
Тихие прекрасные столицы,
Маленькие наши города.

Женщины, застыли возле окон,
Смуглые и проседь в волосах.
Сколько же и музыки, и сока
В их, уже охрипших голосах!

Сколько ждут, а мы всё не приходим
И не посылаем им вестей,
Некрологи в рамочках находим
В сводках ежедневных новостей.

Нас, друзья, почти и не осталось.
Дремлет голубь в полдень у трубы.

В кулачок опять незримо сжалось
Сердце в предвкушении борьбы.

Ветер флаги свежие полощет,
В городах, где нет сегодня нас.
И пересекают эту площадь
Голоса, воскресшие сейчас.

ГОРОДА II

Города, в которых мы живём,
Самыми любимыми зовём.
Высыхают вены и стаканы,
Тонет плот, они лишь постоянны.
Исчезают вечные пути,
Им одним лишь с места не сойти.
Площади и песни умирают,
Травы у дороги цвет теряют.
Но живут родные города,
Нас не забывая никогда.
Женщины уставшие стареют,
Их слова красивые не греют.
Выцветают синие глаза,
И звучат надрывно голоса.
Нас они встречают из гостей
В ожиданье добрых новостей.
Мы тепло и долго мы машем им,
Женщинам, заждавшимся своим.
Города, в которых мы живём,
Посетить приятелей зовём.
Сами же садимся в поезда,
Уезжаем в них, бог весть куда.
Шепчут пристань, солнце, облака:
– Возвращайся! Жизнь так коротка!
И опять спешим издалека.
Жизнь она и, правда, коротка.
Голуби уходят в небеса,
Различая наши голоса.
Поднимают наше детство ввысь
Города, в которых родились.

ГОСТИ

Вот и разъехались гости,
В доме сплошной кавардак,
Крошки в тарелках и кости –
Ужин бездомных собак.

Вынесу мусор, отмою
В комнате всё добела.
Будет, как лютой зимою,
Комната эта светла.

За деревянной оградой
Царствуют лишь муравьи,
Им, трудоголикам, в радость
Хлебные крошки мои.

Смолкла, запнувшись, пластинка,
Только скулит патефон,
А на ветвях паутинки
Свесились с разных сторон.

Осень уже на пороге,
Скоро прольются дожди.
Только сейчас на дороге
Пусто, гляди не гляди.

Смолкли застольные страсти
И никаких новостей...
Только в тоске на террасе
Не проглядеть бы гостей.

ГРИМЁР И СМЕРТЬ

Она идёт в любое время дня,
Вперяя взгляд свой пристальный в меня.
Идёт с реки, садится в уголке,
Оружие зажав в сухой руке.
И у неё надёжные крючки,
И почему-то жёлтые зрачки
Откидывает чёрный капюшон,
И обнажает смертный облик он.
Но многого не требует она:
Хотя б чуть-чуть приятней быть должна.
И хочет, чтоб глаза я подчеркнул,
Смягчил черты её высоких скул.
И надо ей сегодня очень, чтоб
Я крем ночной втирал в покатый лоб.
Чтоб этот крем втирал я ей до боли
В ладони, где красуются мозоли.
Не каждому понравиться должна,
Но ведь с людьми встречается она.
А, значит, маникюр необходим,
И я тружусь без устали над ним.
И бледность на лице свожу на нет.
И так уже не помню сколько лет.
Без страха перед нею я стою
И за работу радуюсь свою.
Она встаёт, опять уходит в ночь,
Но вновь придёт, попросит ей помочь.
И просьбам этим не видать конца,
Как не видеть ни бёдер, ни лица.
Как не видать её костлявых плеч.
Прощай же, смерть, прощай, до новых встреч!

ДАРЫ ОСЕНИ

Октябрь. Харманли. Воскресение.
Погода, конечно, осенняя.
Бездонные льются дожди,
Туман отовсюду глядит.
Янтарные пальцы в кулак
Сжать осень не может никак.
Но даже и в сумрачный час
Связать смерть старается нас.
А жизнь разделяет, любя,
И вновь отбирает тебя.
Ведь в сети ушедшего века
Ловила она человека.
Но осень нас не покидает,
И, видимо, очень страдает,
Пытаясь уйти до поры,
Оставив на память дары.
И я не грущу, даже рад
Фиалковый есть виноград.

Харманли - город в Болгарии.

ДВЕРЬ

Мои слова – ничьи слова,
В них что-то слышится смешное,
Была любовь, была жива,
Но надсмеялась надо мною.

Слова вошли в чужую дверь,
Они протягивают руки
Туда, где злобная, как зверь,
Забилась в угол тень разлуки.

Но дверь – четвёртая стена,
Она уже ничейной стала,
И потому грустна она,
Что много в жизни испытала.

На ней ни окон, ни цветов,
Часов настенных и комода.
И на узорочье ковров
Прошла уже сегодня мода.

Прожекторов нет и кулис,
Нет микрофона и декора,
Лишь люстра смотрит сверху вниз,
И та упасть готова скоро.

Давно не смазаны замки
И много лет на этой ржави

Живут в согласье пауки
И выживают на отраве.

Откройте дверь! Закройте дверь!
Вам это ничего не стоит.
У вас же не было потерь,
Для вас: «Любимая!» – пустое.

Ташите кресло, зеркала,
Вот этот бюст, фотообои.
Ах, сколько эта дверь ждала,
Рыдала сколько над собою?!

Но успокоится стена,
Привыкнув через миг к доверью,
Когда-то бывшая она
В забытом доме скорбной дверью.

Не будет петлями скрипеть,
Наутро юною проснётся,
И снова песни будет петь
Тому, кто в комнату вернётся.

ЖЕНЩИНА-ПТИЦА

Не прикасайтесь к ней руками.
Не троньте птицу за плечо,
Она летит в траву, как камень,
И тяжело, и горячо.

А листья жёлтые намокли,
На стенах тесно от афиш,
И в театральные бинокли
На птицу смотрят люди с крыш.

Но это осень, а не птица,
И мне слышны её шумы.
Пора бы нам остановиться,
Но радость выражаем мы.

Она лежит в траве, как камень,
Не разобрать на камне слов.
Не троньте женщину руками
И не зовите докторов.

Ей больно, больно, очень больно...
Какая женщина была?!
Ну, хватит, милые, довольно,
Она же кровью истекла!

Да мало ль с кем была в постели,
Да мало ли за кем пошла!

Без синяков на белом теле
Прожить хотела, не смогла.

А, может, это, правда, птица?
Встаёт, о землю бьёт крылом,
И камень на куски дробится,
А птица тает за углом.

Она не станет крепостною,
Уйдёт дорогами зимы,
Её за этою стеною
И не увидим больше мы.

Но снова камень, осень, птица
В багряных листьях, как в крови.
Летите все, кому летится,
И глаз не прячьте от любви.

ЗАБЫТАЯ ГРОЗДЬ

– А для кого, – спросите, –
Соком томлюсь, сгораю
В короткие дни осени?
Я и сама не знаю!

Вон виноградарь молча
Мимо прошёл задумчиво.
Нет уже больше мочи
Руки себе выкручивать.

Боязно мне и холодно,
Дети и те – домой.
Будет кому-то голодно
И без меня зимой.

Ладно, что неприметная,
Но вобрала тепло.
Я же почти бессмертная,
Всем холодам назло.

Всем им, не замечающим,
Жажущим песню спеть.
Сколько же мне кричать ещё,
Сколько на них смотреть?!

Что ж мне, до смерти, что ли
Век одинокой жить,

В пёстрой листве от боли
Слёзы на землю лить?!

Что-то тут бесчеловечное,
Похожее на искус,
Быть и лозою вечною,
Вечною, как Иисус.

Небо спустилось птицами
В этот промозглый сад.
Плачется, не летится им –
Грозди ещё висят.

ЗЕЛЁНАЯ ПОВЕСТЬ

I.

Жизнь оказалась лицемерной!
А, может быть, такой была?
И не спала она, наверно.
Пожалуй, точно, не спала.

Я зелен был, был мне неведом
Стон звёзд мерцающих во мгле,
Стон ночи, дерева, их беды,
Стон скорбных песен на земле.

Душа была зелёной, лето,
Да все таким казалось мне.
И начиналась повесть эта
В зелёной сказочной стране.

II.

Но дни текли и в диком поле
Пожухла от жары трава.
И накопилось столько боли
Во мне, что выжил я едва.

Я шёл, душой охладевая,
Куда я шёл, ещё не знал.
Себе отчёта не давая,
Смысл на бессмысленность менял.

III.

Травною поле зарастало,
Не отмирая от корней.
Я находил себя и стало
Мне говорить непросто с ней.

Трава росла всё глубже, глубже,
Словами сердце леденя,
Она встречала чьи-то души,
Глаза ушедших от меня.

Тяжёлым соком истекая,
Трава пока ещё жила.
Но у меня душа другая,
Хоть и зелёная была.

IV.

Я забытый, словно гвозди
В плоти древнего креста.
Чьи-то кости на погосте
И не видно ни черта.

Одинок, как этот воздух,
Солнце красное зову.
С неба сбрасывают звёзды,
Как сгоревшую траву.

Солнца нет, на сердце серо,
Но вблизи шумит трава.
И какой измерить мерой
Поминальные слова?

Пролетают дни и ночи,
Память сердца вороша.
Жизнь ломает позвоночник,
Холодна моя душа.

V.

Я уже и сам не знаю,
Жив ли я и что со мной,
Или поле вспоминает
О прошедшем за спиной?

Но ведь это было, было,
Было, будто бы вчера:
Жизнь меня с размаху била
И бросала в клевера.

И как пыльная лавина,
Перейдя мою судьбу,
В сети прочные ловила,
На своём несла горбу.

Неужели нет дороги,
Нет уже пути назад,

Если кровоточат ноги
И глядят во тьму глаза?

Я библейские страницы
До единой бы порвал,
Если б в юность возвратиться
Мне Господь возможность дал.

VI.

Возврата нет. Я заблудился в поле,
И тень моя свернула в зелена.
И ни души... Орёл, червяк... На воле
Следы мои пасутся без меня.

Ещё живу, а времени не стало,
Чтобы запеть и голос свой падать.
Но я спою, пора уже настала,
Пора уже хоть тут не опоздать.

«Душа моя зелёная и лето!
Храни вас Бог от бед и неудач!
Пока ещё поёт перо поэта,
То он ещё и радостен, и зряч».

VII.

И жизнь свою изящно выгнет шею,
С такой любовью глянет на меня!

И вальс забытый мы станцуем с нею,
Пока ещё не на закате дня.

А дальше будет много-много сказок,
Покинут боли, подлости и грусть,
Пока не надорву гортанных связок
И в небеса орлом не вознесусь.

ИЗГНАНИЕ ИЗ АДА

И мне сказали: «Уходи!
Тебе сюда пока не надо,
Ступай себе и часа жди!»
И затворили двери ада.

И я пустыню пересёк,
Хромое солнце утром встретил.
Я понял, срок мой не истёк,
Что поживу ещё на свете.

Со мной не будет ничего,
Пока живу, пока страдаю,
Пока не встречу я Его,
Пока Его не увидаю.

И тут мне кто-то говорит:
«Ты потому, наверно, грешен,
Что плакал или делал вид,
И слёзы лил, а был успешен.

А слёзы превращались в соль,
Их ветер гнал всё дальше в поле.
И доставляли слёзы боль
Тем, кто не видел этой соли.

Безвкусным хлеб был у детей,
Безвкусною у взрослых рыба.
Щепотка щедрости твоей
Была как каменная глыба.

Всю жизнь проплакать не дано,
Воды в глазах не так уж много,
Ты семь потов пролей мне, но
Соль собери и дай в дорогу!

Вон, видишь, юноша идёт,
А он идёт с твоею кровью,
Дай соль ему, он счастья ждёт,
И он расплатится любовью!»

Я встал, узнав себя в себе,
И улыбнулся солнцу: «Ясно!
Доверюсь Богу и судьбе,
Жизнь коротка, но так прекрасна!»

Но Он сказал мне, плакал ты,
А, значит, соль дарил кому-то.
А, значит, женщина мечты
Без соли не вставала утром.

Был хлеб солёный у неё,
Солёной подавалась рыба,
За бескорыстие твоё
Шептала: «Господи! Спасибо!»

Ты, человек, люби её,
Даруйте вместе жизнь другому!
Шагай себе через жнивье,
Мир полю твоему и дому!

КАБАЦКИЙ МУЗЫКАНТ

Пламену Ставреву

Был я молод и сентиментален,
Не скрывал навернувшихся слёз,
И слова золотые слетали
В душу мне с чёрно-белых берёз.

Я вдруг понял, стихи – это правда,
Если в них непутёвая жизнь,
Но жужжали и слева, и справа,
О своём проповедники лжи.

Стиснул зубы и больше ни слова
Не промолвил две тысячи лет.
Умер плач мой, но смех свой суровый
Посылал я, как пули, в ответ.

Я не прав был, что рвал свои тексты,
Сердце часто кричало: «Не рви!»
В кабаке, где пьянели невесты,
Под гитару запел о любви.

Неиспорченный, в белом костюме
Я входил в этот самый кабак,
Песни пел, но тяжёлые думы
Не хотели оставить никак.

Ах, какие там женщины были,
И, надеясь на лёгкий успех,

Как любили они, как любили!
Но любили, наверно, не тех!

Средь веселья рыдала гитара,
И хмелела от выпивших пар,
И тогда я просил кочегара,
Чтобы в топке поддерживал пар.

Он исправно топил, чтобы в зале,
Разогретые крепко спиртным,
Словно бабочки, вальс танцевали
Незамужние женщины с ним.

А я пел о любви на потребу,
Над собою смеялся до слёз,
И молился далёкому небу,
И прощенье просил у берёз.

КАБАЧОК

Вот тут-то вино и запело!
Хрипело, глотало слезу.
Красивое женское тело
Метало не искры, грозу.

Куда-то оно уводило –
На запад, а после на юг,
Дороги, мосты наводило,
Холмы обходило вокруг.

Река в меня бурно входила,
И ноги как рыбы, в песок.
Вода же круги разводила,
Делила и луг, и лесок.

И радуга в небе стояла,
Спустившись до самой травы.
И так она людям сияла
И с речкой общалась на вы!

А речка опять убегала
От этой земной кутерьмы,
На взгорье себя сберегала,
И там умывала холмы.

А листья, что с грабов опали,
Вздымали свои плавники,

Мосты разводные вставали
На бурном теченье реки...

Но вот за кормой свои крылья
Развесил полуночный мрак.
Вино остывает, бессилье
Уйти не желает никак.

В стаканах вино умолкает,
И песни уже не слышны.
Последняя капля стекает,
Сверкая осколком луны.

Приходит, как божий посланник,
Исчезнувший официант:
– Ах вы, очарованный странник,
На сон у вас мощный талант!

Плачу ей за шутку по счёту
И тычусь, как мальчик, в плечо!
И в губы целую кого-то,
И что-то шепчу горячо.

КАЗАНЛЫК

Август. Полдень. Болгария.
Розы так и кипят.
Раны рваные старые
Разболелись опять.

Что-то холодно-голодно
И ни капли тепла.
Ты из этого города
Торопливо ушла.

Я и к этой поспешности
Незаметно привык.
В моей грусти и нежности
Утонул Казанлык.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Ни о чём на свете не жалею,
Если от Земли за пару вёрст
Мчит во мгле безумная Галлея,
Глаз небесный и сестра всех звёзд!

Как же мы светлы и вдохновенны!
Как горят огнём её глаза!
Друг на друга смотрим откровенно,
И уйти от этого нельзя.

И стоим под небом, славословим:
– Вот такой и нам бы в души свет!
Может, мы единые по крови,
Просто не видались много лет?

Тот, кто светел, тот и не заметен,
Больно оступается в пути.
Но комета каждому посветит
И своей дорогой улетит.

Будем жить и в кровь сбивать колени
И по новой шишки набивать.
Жаль, и людям новых поколений
Без войны на свете не бывать!

Улетает в облака из серы,
В облака из сказочного льда,

Гордая, горячая без меры,
И не возвратится никогда.

Пусть потом судачат астрономы,
Сколько там борозд в её ядре,
Как же ей без нас живётся дома,
Как одной ей спится на заре?

Не вернётся, а могла бы славу
И бессмертье с нами обрести.
Может, астрономы и не правы
В том, что сбилась с нужного пути.

Да, у нас всегда тепло и чисто,
Не в пример блуждающим во мгле.
Лишь она, безумна, и лучиста,
Жить могла бы с нами на Земле.

У кометы обгорели руки,
Волосы на лбу опалены.
Как переживёт она разлуку,
Как не побоится тишины!

Что ей наши улицы и скверы
С именем её? Ей всё равно.
Но комета не живёт без веры,
Без неё пропала бы давно.

Видно, у неё своя дорога,
И своя счастливая звезда,

И она за пазухой у Бога
В небесах не сгинет никогда.

Сбережёт и не допустит краха,
Дальше свет в ладонях понесёт.
И слепой какой-нибудь от страха
Вдруг прозреет, встанет и пойдёт.

И комета с массой многотонной
Станет хоть кому-нибудь судьбой.
И заплачет, как перед иконой,
Счастьем переполненный слепой.

КРЕСТ

Дожил до возраста Христа.
Мой крест и светлый, и зелёный.
А кто-то вновь сошёл с креста
И улыбается влюблённым.

А на кресте скопление гнёзд,
Благодарящих небо пташек,
И облепивших на ночь звёзд,
Во тьме дрожащих без рубашек.

К нему лесник не приходил,
Чтоб, как и дерево, отметить.
Никто креста не повредил,
А, значит, некому ответить...

Я так привык к своей жене,
К её молчанию глухому,
Что иногда казалось мне,
Что это смерть идёт по дому.

Почти безвольная, она,
В себе всё чаще замыкалась.
А я не понял, что жена
От прошлой жизни отрекалась.

Но осознал однажды я,
Из крепости моей сбегая,

Выходит не жена моя,
А женщина совсем другая.

Так стало в комнате светло!
И всё, что в ней плохого было,
Её лицо в тот миг сожгло,
Весь мрак прошедший ослепило.

А я стою и невдомёк,
Что я прощён её губами.
Что я уже насквозь промок
Её солёными слезами...

Я вышиб дверь, побрёл к кресту,
И до того мне было дико,
Что вкусно пахнет за версту
И пламенеет земляника.

Тропинкой белою бреду,
А почему? И сам не знаю!
Свою последнюю беду
Из сердца с болью выгоняю.

Я убираю крест в лесу,
Не разоряя птичьи гнёзда.
И на деревья их несусь,
Пока сберечь ещё не поздно.

Всхожу на холм, весь день точу
Топор последний на природе.

– Эй, где вы, плотники? – кричу.
И вот они уже приходят.

Вот подойдут, и я пойму,
Куда ведёт дорожка эта.
И впрямь не нужен никому
Ещё при жизни крест поэта.

ЛЕТОПИСЬ

Уже давно всё было это...
Дорога, а за ней село...
Жил летописец там в то лето,
И нам, мальчишкам, повезло.

Он говорил витиевато
И нас записывал в друзья.
Но мы тогда не знали платы
За то, что можно и нельзя.

И в кровь истоптанные ноги
К реке тащили каждый раз.
И по какой идти дороге
Тогда отцы учили нас.

А он – про душу человека
И про высокие дела.
Казалось, боль и радость века
Через судьбу его прошла:

«За правду многое простится,
Ты ото лжи всегда беги.
Вся жизнь в глазах не уместится,
А, значит, душу береги!»

Он говорил неоднократно
Мол, жизнь, как яблоня в саду,
Сломал и не поднять обратно.
Учил, как будто на беду.

Его жена, темна, как камень,
Полола, он скрипел пером.
Жена боролась с сорняками,
А мы с любовью и добром.

Ломали яблони ребята.
Настала очередь и мне.
Пришёл, сломал и воровато
Исчез в полночной тишине.

И у него не стало сада,
И сразу, будто жизнь прошла.
И как-то в пору листопада
С женой он вышел из села.

В осенний дождь: она вся в белом,
А он, ссутулившись слегка,
Прочь уносил сухое тело
От тех, кто предал старика.

Мы не пошли за ними следом,
Нам это было всё равно,
За нашу подлость, как победу,
Мы пили чёрное вино...

Мои друзья, одни поэты,
Другие трудятся в саду.
И я пишу кому-то: «В ЛЕТО...»
Уже в двухтысячном году.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

Глотающий шпагу – не рыцарь,
Зубрящий стихи – не поэт.
В пуху у них пухлые рыльца
И, сердца, наверное, нет.

Такие надменны, и лживы,
Расскажут любой анекдот.
И в них от рождения живы
Пороки, что вывел народ.

Ведут в кабаки малолеток,
Забыв и призванье, и честь,
И бьют своих собственных деток
За то, что они уже есть.

Поэты блуждают по звёздам,
Кометам поэты сродни,
И солнце, и небо, и воздух
У них от рожденья одни.

Не верят, что время промчится,
Транжируют на вечность его,
И нет его, чтобы лечиться,
Чтоб не огорчить никого.

Поэт молчалив и прозрачен,
Ему и поеть не досуг.

Он верит в звезду и удачу,
По золоту ходит в лесу.

И он совершает промашки,
И он не живёт, не греша.
И он замерзает в рубашке,
И в нём холодеет душа.

Пытается водкой согреться,
Ладони озябшие трёт,
И знает, готовится сердце
Уже в невозвратный полёт.

Но в музыку верит, и в слово,
И любит пока ещё сны.
Но он не поднимется снова,
Не скажет, что слышать должны.

И жаль, что никто не услышит,
О нём никогда, ничего.
Пусть кто-то читает, он пишет,
И в этом призванье его.

Вот так и живут все поэты:
Кто Богом, кто чёртом храним...
И всё же, кончается лето
И осень приходит за ним.

МОЛИТВА

Пусть будут в торбе хлеб и соль всегда,
Пусть будет свет ему в конце тоннеля.
Ещё пусть будет чистою вода,
Чтоб раны сам он мог омыть на теле.

Пусть будет блеск в глазах, а не гроза,
Сухим всегда лежит табак в кисете,
И пусть глядят усталые глаза
На все четыре стороны на свете.

Спасибо, путник, что в дороге есть.
Ты не святой и это – слава Богу.
Ни у кого не просишь пить и есть
И без друзей пускаешься в дорогу.

Святой сейчас прилѐг на грудь жене,
Храпит давно в пижаме полосатой,
И пахнет луком, и грозит во сне
Кому-нибудь совковою лопатой.

И ты – не мы, какой-то ты другой,
Молчишь как рыба, знаешь жизни цену.
Пусть хлеб не вздрогнет под твоей ногой.
И целый век не знать тебе измену.

Ты даже с болью будешь рвать сорняк,
В своей душе испытывая муку,

Но не простишь того, кто просто так
Поднять посмеет на ребёнка руку.

Ты не сорвёшь красивого цветка,
Хотя вполне имеешь это право.
Жил, как пчела, и никогда рука
Не подавала ближнему отравы.

Любил всем сердцем, но не обнимал
Жену чужую около ограды.
Ты в жизни всё, как надо, понимал,
И никогда не делал, что не надо.

Застынет ночь, безмолвная от звёзд,
И небо скинет в поле одеяло.
Пусть будут в жизни сотни долгих вёрст,
Но чтоб земля вот на таких стояла.

Дай Бог тебе и света, и тепла,
Живи и радуй встречного, как брата.
И за любовь, и за твои дела
Придёт с небес когда-нибудь расплата.

МУЖСКОЙ ПРОФИЛЬ

Последнюю искру любви
Зальёт зимний дождь синеватый,
И после, зови, не зови,
Она не предстанет крылатой.

В глубоких и тёмных лесах,
Как хижина, скрыта от снега,
Застынет в безумных глазах
Любовь, укрываясь от эха.

Сорвётся и ветер с цепи
И пепел любви разбросает,
И сердцу прикажет: «Терпи!»,
Но сердце уже не отгад.

Холодным, но чистым оно,
Лишится привычек и власти.
Не зная, как падать на дно,
И как рассыпаться на части.

НАДПИСЬ НА ПОСЛЕДНЕМ ИСТОЧНИКЕ

Как хлеб, пробейся к свету в темноте,
Как снег последний доставайся небу.
И поклоняйся только красоте,
И ничего не делай на потребу.
Храни себя и сердце закаляй,
Дари тепло озябшему в дороге,
Всегда зерно от плевел отделяй,
В конце дороги подводя итоги.

Крепчай, как в бочке, доброе вино,
Вбирай в себя огонь и краски лета,
И плачь с его дождями заодно,
Пока ни жизнь, ни песня не допета.
И слушай, как торжественно в корчме
Сейчас скрипит прохладой винной бочка,
Не сомневайся, истина в уме!
А не в вине. В тебе она и точка!

Будь как вода, спускайся с облаков,
Земную пыль целуй, как пчёлы взятки.
Не поднимай на небо кулаков,
Не убегай от неба без оглядки.

НОКТЮРН

Если исчезну нежданно-негаданно,
Болью измерив остаток пути,
Я не уверен, что всё это надо нам,
Что ты меня не сумеешь найти.

Будет молчать и вокзал ожидания,
Сонный автобус и поезд пустой.
Будут с тобой все мои опоздания
И колотящее в спину: «Постой!»

Будет тепло, от ладоней сбегающих,
Капелька крови на синих губах.
Старый мой плащ будет рядом пока ещё,
Так же, как пара кричащих рубах.

Но по теплу своих рук остывающих,
Вкусу своих обескровленных губ
Вскоре пойму, что веду вызывающе,
Что бессердечен, безумен и груб.

Если исчезну нежданно-негаданно,
Болью измерив остаток пути,
Я не уверен, что всё это надо нам,
Что ты меня не сумеешь найти.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Он через миг устанет, он через миг отплачет.
И в темноте незримо радуга замаячит.
Тут же проснутся звуки, что родились
вначале,
И затоскуют руки, светлые от печали.

Вздрогнет во сне будильник, паром обдаст
автобус,
И остановит память свой крутолобый глобус.
А через миг родиться в добрых глазах
зелёных
Мне твоих доведётся... В умных глазах
влюблённых.

Я по щеке слезою будут ползти, стараться,
Чтоб на губах солёных именем, но остаться.
Там, возле них, растаю. Но заплачу
полцарства,
Чтобы и в дождь стояли хрупкие
государства.

Ты ожидать не станешь капли дождя
последней,
Солнцем над крышей встанешь, светом
взойдёшь в передней.
Не ощутить ни слёз ты, ни дождевой пыли.
Лишь потому, что где-то сильно тебя любили.

Ты улыбнёшься сладко – всё в октябре
бывает.

Ночь. И окно открыто. Дождь на ресницах
тает.

ОБРЫВ

Анчо Калоянову

Мы расстались в канун октября,
Календарь не даёт усомниться,
И твоими глазами горя,
Тянет руки навстречу страница.

Да, страница, бумажный листок,
И туман, и пора листопада...
И спешу я шагнуть за порог,
Снова в кущи осеннего сада.

... Что-то варит она на огне,
Вкусный запах пленяет округу.
Так и хочется выкрикнуть мне:
– Чем же мы не подходим друг другу?!

Но работою увлечена,
Над огнём она медленно гнётся.
Всё равно не услышит она,
Всё равно она не обернётся.

Лишь бы дождь не пошёл сгоряча,
И не сбил это светлое пламя.
Рядом мы, хоть сердца и молчат,
Снова время счастливое с нами.

Надвигается ночь, и она
Без дороги пойдёт по обрывам.

Эта женщина мне, как жена,
И она неприлично красива.

Только как одинока! И я
Всё смотрю на неё, не моргая.
Золотая, родная моя,
Неземная моя, дорогая!

Уходить от неё не хочу,
Нету сил от лица оторваться.
И к обрыву, к обрыву лечу,
Чтобы сладостным снам предаваться.

Только бы не разверзлась земля!
Я боюсь, это пламя растает.
Жизнь и смерть на двоих разделя,
Человека надежда спасает.

Без надежды улыбка ничто,
Семь смертей у души человеческой.
И стою я в осеннем пальто,
С этой женщиной дивной не венчан.

И живу, всем невзгодам назло,
Строю счастье своими руками.
Ну, а как мне со счастьем везло,
Не пытайте, послушайте камень.

ОКТАБРЬ

На голубых скамейках лёгкий ветер,
Горячий запах стынущей листвы.
И мы, как и воспитанные дети,
Друг к другу обращаемся на вы.

Устало смотрим, что творит природа,
Октябрь притихший грусть берёт в тиски.
И плач реки, и небо до восхода
Своей неповторимостью близки.

И мы с тобой отчаянно устали
Глядеть на небо в серых клочьях туч.
Но есть в душе восторженность печали,
До времени закрытая на ключ.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Это он, всё уходит, уходит
В непроглядную стылую ночь,
А не ветер слепой хороводит
И с земли устремляется прочь.

Слышен шум: и тряпичные крылья
Отдирая от пасмурных луж,
Он вороною грязной, в бессилье
Поднимается к небу от стуж.

Его кости трещат беспрестанно,
Сухожилия рвутся... Скрипит
Его тучное тело и странно
Он по небу, как церковь, летит.

Беспрестанно очами вращает,
И всё выше и дальше от нас,
Что-то важное в жизни решает
В этот поздний ноябрьский час.

Что с ним будет, какую дорогу
Изберёт в поднебесье сейчас?
Может быть, он представится Богу
И замолвит словечко за нас?!

Может, что-то иное случится
В небесах по прошествии лет.

Скажем, встретит его ангелица,
Встретят дети, проснувшись чуть свет.

Что он в небо возьмёт, кроме грязи,
Падший ангел в ночном ноябре?
Но ведь кто-то из грязи да в князи
Поднимался и жил в серебре!

Вот уже затихает и ветер.
Белый снег вместо мутных дождей.
И не ангел заблудший нам светит,
Добрый ангел спасает людей.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БОТЕВА

Божидару Грозеву

Пока искренне любим друг друга,
Одеваемся скромно, тогда,
Словно лошади – в цирке по кругу –
Пролетают незримо года.

Пока искренне что-нибудь пишем,
Пока думаем задним числом.
Никогда на земле не услышим,
Как с тобою из жизни уйдём.

Никогда не взойдём на вершины,
Не оставим автографов там,
И сильней, и спокойней мужчины
Кровь подарят на память горам.

Даже сокол ослепнет над кручей,
И волчица прижмётся к земле,
Значит, кто-нибудь нас да научит
В этой жизни держаться в седле.

Может, женщины нас пожалеют,
Зарыдают над кручей с тоски?
Но на них по осенним аллеям
Сбросят сети свои пауки.

Вероятно, мы духом ослабли,
И спиной повернулись к полям.
И ломаются добрые сабли
Пополам.

ПЛОВДИВ

Я такого ещё не слышал,
Что рассказывает она.
Только осень и дождь по крыше
И не скоро придёт весна.

Но она говорит о лете,
И на спелых губах июнь.
Есть же город такой на свете
Светлый-светлый, куда ни плюнь!

Я тихонько встаю со стула,
Поднимаюсь из-за стола.
Да она ж меня обманула,
Да она ж не меня ждала!

Потому, что твердит о смерти
И считает её игрой.
Я кричу ей в лицо: «Не смейте
Разговаривать так со мной!»

И она замолкает тут же.
Нет ни осени, ни весны.
Лишь глаза западают глубже,
Чтоб не видеть своей вины.

Пловдив – город в Болгарии на реке Марица.

ПО ТУ СТОРОНУ

Такой травы не видел я давно,
Такого лета не припомню тоже!
И ни кому на свете не дано
Траву косить. Топтать и то негоже.

Но женщина идёт через закат,
За нею горизонт всё холоднее.
Но женщину в траве не отыскать,
И не понять, что дальше будет с нею.

Она не станет думать о беде,
Пойдёт к реке, зажатой берегами,
И ощутит, как в ледяной воде
Рыбёшки проплывают под ногами.

Услышит, как беснуется река,
Сорвав мосты непрочные в теснине...
Хотя и не оглянется пока,
Но от волнения кровь моя застынет.

Да, я её узнаю по шагам,
По запаху волос, духов и тела.
И побегу к тем самым берегам,
Пока она исчезнуть не успела.

Но с берега свалюсь в песок, а там
Ломают лодки хмурые мужчины.

Что их ругать за этот самый хлам?
Да и ругать нет никакой причины.

Они же строят новую корчму,
Дома возводят, стрельбища из тёса.
Я не скажу ни слова никому,
И не возьмусь в безумии за весла.

Лишь удивлюсь, что вновь через закат,
За горизонт далёкий исчезая,
Идёт она, как много лет назад.
И тру, и тру уставшие глаза я.

И вдруг пойму, тебя никто не ждёт,
И женщина, конечно же, чужая,
И по другому берегу идёт,
Свою и чью-то осень провожая.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Последняя в жизни весна,
А листья не видели лета.
Как знать, может быть, семена
Напьются осеннего света.

Последняя в жизни весна.
А крона не знает, что корень
Уже как гнилая стена
С землёю расстанется вскоре.

Последняя в жизни весна.
И старость уходит в сторонку
Послушать, как плачет струна,
Как сладостен смех жаворонка.

Потом ото всех в стороне,
Упав, запыляет несмело,
И корчиться будет в огне
Её неподъёмное тело.

ПОЧТИ ЧАЙКА

I.

Лежим в обнимку с летом,
А дюны холодны.
Корчма на пляже этом
Не знает тишины.

И сердце вновь несмело
Войдёт туда опять.
Но то, что пило, ело
Ему откуда знать?!

И губы не оттают,
Не вспомнят ничего,
И снова обсчитают
Наивного его.

Оно, хмельное, утром,
Притащится назад,
И отругает, будто
Я в чём-то виноват.

Не вспомню о загуле,
Давно молчать привык.
Тем более, в июле
Не помнит слов язык.

Орда голодных чаек
И сборище акул.

И как я тут случайно
Ещё не утонул!

Но сердце будет биться,
Как птица сквозь пургу,
И я ему забыться
Немного помогу.

Прикроет сердце глазки,
И станет оживать,
И будет слушать сказки
И не перебивать.

Я расскажу такое
О смысле бытия,
Что даже рот откроет,
Крестясь, душа моя.

Я дам ему в дорогу
И песню, и восход,
Коня, стихи и много
Дождей на целый год.

Ладонь своей любимой
И многое ещё,
Шагай, приятель, мимо,
Взвалив всё на плечо!

Иди, но, знай, шутил я,
И так же, как и ты,

Хоть и имею крылья,
Пугаюсь высоты.

Но надо что-то делать,
Ведь неразлучны мы,
Верну его я в тело,
И вырву из корчмы

Любви два чемодана,
Болгарский плач родной,
Чтоб было постоянно
Оно уже со мной.

Чтоб никого не мучить,
Тревоги позабыть,
И самую из лучших
Уже зимой любить.

Но как войду я в зиму,
Спалив любовь в вине,
Без женщины любимой
И без креста на мне?!

II.

Вздыхну глубоко и отправлюсь в дорогу,
Не буду сходить, как и прежде, с ума.
И осень в Бургасе, что та недотрога,
Расскажет, откуда придёт зима.

Гляжу на дома и на женщин неспешных,
Смотрю на утопшего в диком пруду.
Молюсь неустанно с рассвета за грешных
И слушаю листьев дыхание в саду.

А в тёмных корчмах не хватает муската,
Хорошая выдержка в этом вине,
И я запечалюсь о прошлом, тогда-то
И выпить муската захочется мне.

Но я не успею, появится поезд
И выскочу я из позвавшей корчмы.
И брошусь в вагон, а потом успокоюсь,
Подумав, что скоро увидимся мы.

Я встану и гляну в окно осторожно,
А вдруг кто-то в путь провожает меня?
Но с улицы глянет навстречу тревожно
Какая-то девочка, счастьем маня.

Испачкает платье мороженым сладким,
Кофейное платье заплачет её.
И жизнь полетит от посадки к посадке,
Чтоб счастье короткое встретить своё.

Я всё же запомню и снег тот бургасский,
Тяжёлый фонарь, что под снегом с дождём,
Себя у окна и последние краски
Той женщины яркой, что в сердце моём.

III.

Последним поездом осенним
Я возвращаюсь вновь домой.
И у корчмы, где только тени,
Ждёт мама раннею зимой.

Нет ни гроша в моём кармане,
В нём ветер странствия поёт,
Но только сердце не обманет,
Что мама любит, мама ждёт.

И если стал бы вне закона,
Цепями тяжкими звеня,
Я был бы для неё иконой,
Она б молилась на меня.

Жаль, ничего ей не привёз я,
Не смог умерить скорбный взгляд,
Но все ж глаза её, как розы,
Как казанлыкские, горят.

Она и так сегодня рада,
Светла как прежде и чиста.
Ведь ей давно уже не надо
Моих подарков и креста.

Мне подмигнут наутро окна:
Ты дома! С матерью! В тепле!

И надо ль знать, какой там срок нам
Господь отмерил на земле?!

Живи, дыши, ещё не скоро
Зима сюда свернёт с пути,
Последний раз из дома в город
Уже ты можешь не уйти.

Пусть снова гитара заплачет,
Пусть фрукты исходят вином,
Пусть очи голодные прячет
Живущий за мутным окном.

Об этом молился я Богу,
Попавшись судьбе на крючок.
Но песня не шла на дорогу,
Сжав сердце своё в кулачок.

И дочь она мне не простила,
За то, что в преддверье зимы,
У птицы уснувшей решила
Взять крепкие крылья займы.

Чтоб после, порхая по свету,
Насытиться радостью всласть.
Но дочь не поверила в это,
Что с неба возможно упасть.

И сердце моё до каленья
Доводит, меня не храня,
В дорожной пыли, на коленях,
Прощенье прося у меня.

И хочет присесть на пригорке,
Как в детстве обняться со мной,

Сказать, как обидно и горько,
И холодно стало одной.

Что ждут меня прежние друзья,
Гитара моя и орех,
Как будто один я в округе
И сразу в ответе за всех.

Как мать её ждёт меня дома,
Считает своим дорогим,
А на ночь уходит к другому
И спит с этим самым, другим.

Мне больно и стыдно немного
Теперь возвращаться назад
Туда, где петляет дорога,
И дышит вином виноград.

Но вновь заживают колени,
И жизнь наполняет сосуд,
И ноги, не знавшие лени,
Без усталости к дому несут.

Дойду, на крылечке присяду,
За крылья на небе ночном
Я буду платить виноградом,
Тяжёлым и чёрным вином.

Раздвину массивные ставни
И окна открою чуть свет.

Пригоршню вина я оставлю
Для тех, кого рядышком нет.

Забывшей, ослепшему другу.
А вдруг да прозреет сейчас?!
И, чарку пуская по кругу,
Мы выпьем безмолвно за нас.

А если и друга не стало,
То снова гитару возьму,
И также как раньше бывало,
Спою на прощанье ему.

Достану ботинки в заплатках,
Отправлюсь в последний поход,
Бродить от восхода к закату,
Где кто-нибудь помнит и ждёт.

ПУТЬ

Нет места покою на свете для всех,
А, значит, зимою и летом
Берём рюкзаки и, поверив в успех,
Уходим в дорогу с рассветом.

Была бы дорога, коль знали маршрут,
А мы без дороги шагаем,
И там, где и ноги уже не несут,
Друг другу идти помогаем.

Сидим у костра и глядим на костёр,
Едим не остывшую кашу,
И звёздное небо господь распростёр
На всю экспедицию нашу.

Тот хлеб доедает, тот просит вина,
Тот моет кастрюли и ложки.
И смотрит в пустые тарелки луна,
Где тонут ослепшие мошки.

Мы молимся на ночь, а с гимном встаём,
И знаем в дороге порядки.
Все лучшие песни на свете поём,
И ставим привычно палатки.

Мы долго шагали, молчали в пути,
А к нам прибивались другие.

Но как не хотелось порою идти,
За солнцем, мои дорогие!

Мы слушали птиц, чей-то смех, чей-то плач,
И видели море и скалы,
А чья-то душа в череде неудач
Всё это с рожденья искала.

И снова закат опустился в казан,
И солнца палящего нету,
И умные чьи-то большие глаза
Полны и любви, и секрета.

А вы говорите, что жизнь коротка!
Есть время и будут восходы.
И водит по жизни нас чья-то рука,
Бросая в объятия природы.

СЕЗОН ПОСЛЕ ДНЕВНЫХ ВЕТРОВ

Тишина приходит неожиданно,
Перестали ветры песни петь.
Вы скажите, где же это видано,
Чтобы можно было всё успеть:

За сезон влюбиться и наплакаться,
Жизнь прожить и что-то в ней понять?..
Сок лозы утихий в корни спрятаться
Хочет, чтоб вином бурлить опять.

Всё ведь повторяется и жалко,
Если в этот час на мостовой,
Брошенная кем-нибудь фиалка
Биться в камни будет головой.

Будут плакать женщины над нею,
И, в глаза заглядывая ей,
Встретятся и с юностью своею,
И с любовью прошлую своей.

Золотое тёплое знамение!
Как всегда, природа не права!
Никакого светлого значения
Не имеют многие слова.

Вот и произносятся бездумно,
Сотни слов, родившихся от нас.

Сколько появляется их, умных,
Беллетристов, в этот тихий час!

Всё они и видели, и знают,
С ног они не валятся едва,
Только в разговоре применяют
Словно гвозди, крепкие слова!

Грустно мне друзей пришедших слушать,
Дышащий словами – не жилец.
Но зато, какие это души!
И какие люди, наконец!

Будет жарко, будет лето мучить,
Но опять придёт сезон ветров.
Вот и запасаемся на случай
Мы большой охапкой добрых слов.

И с балконов белые рубашки
Убираем, в поле рвём цветы.
Будем мы бессмертны, как ромашки,
Не умрём во имя красоты.

СКРИПКИ

Стон тысяч скрипок... На краю земли
Последний снег, и он замёл дороги.
И нашу боль снега не обошли,
И все слова вчерашние в итоге.

А как всё начиналось хорошо!
Как пели скрипки, как слова летали!
Снег за окном, не прекращаясь, шёл,
Две сигареты горько угасали.

А наши руки были в серебре,
И словно струны, и они стонали.
Моя душа проснулась на заре,
А вот твоя, я думаю, едва ли.

Душа и сердце – не одно и то ж.
Но оглушили пением их скрипки...
Простить-то ты простишь, но не поймёшь,
И в снег уйдёшь под утро без улыбки.

СНЕГ

Владимиру Левкову

Я воскресал, пройдя и дождь, и муть,
И к жизни снова возвращалось тело.
И я сумел несчастье обмануть,
Когда оно добить меня хотело.

Преодолею невыносимую боль
И дошагал до первых хлопьев снега.
Забыл разлуку и познал любовь,
И фальшь познал раскатистого смеха.

А я-то думал, мы обречены
Пропасть в снегу загадочного сада,
И все считал, у жизни нет цены,
И что ценить мгновения не надо.

Я понял всё, и я не удивлюсь,
Когда во сне услышу голос неба.
Я сигаретой с ближним поделюсь,
Кроватью, жизнью, а не то, что хлебом!

Вот и спешу хорошее сказать,
Пока живу, пока общаюсь с вами.
Пока готов в единое связать
Сердечное сердечными словами.

А снег летит, седеет голова,
Всё реже мы зимой бываем вместе.
Но тишина, но светлые слова,
Но белый снег идёт с небес и крестит.

СТАРА-ЗАГОРА

Жизнь – как зеркало в прихожей,
Не смотрелся, не поймёшь.
То, что ближе и дороже,
На поверку часто ложь.

В нужный час возьмёт, обманет.
У неё свои счета.
Говорить в глаза не станет
То, что женщина не та.

Поведёт по коридорам
К новым комнатам и дням.
И своим суровым взором
Не доставит счастья вам.

Будут лестницы и розы,
Сны, ключи, монастыри.
Но за это будут слёзы,
Что ты там не говори.

И пройдя сквозь расстоянья,
Хочешь, верь, хочешь, не верь,
Ты не будешь в состоянье
Постучаться в ту же дверь.

И увидеть в час пригожий,
Об удачах не трубя,
В этой жизни, как в прихожей,
Туфли, зеркало, себя.

Стара-Загора - город в Болгарии.

ХАРМАНЛИ

На швейцарскую роту похожа
Осень ярким нарядом своим.
И мороз пробегает по коже,
Пока с нею в обнимку стоим.

Все мужчины – на велосипеды –
Дарит осень – бери, не хочу.
Вот и женщины двинулись следом,
Сумки с йодом приладив к плечу.

Там бинты, там таблетки и вата
Сумки, всё-таки, с красным крестом.
Снег под вечер пошёл виновато,
Но набег отложил на потом.

Но под вечер в четверг, не позднее,
На оранжевых резвых авто
Появилась зима, а за нею
Шубы, куртки, дублёнки, пальто.

Розы, женщины, дети, собаки
Заявляются в город гурьбой,
И какой-то слепой в снежном мраке
Плачет горько сейчас над судьбой.

Не простившись под старую липой,
Разминутся они навсегда.

Только снег будет сыпать и сыпать
И белить до утра города.

Будет снег этот белый, как кошка,
Что, побегав, вернётся домой.
А зима будет жить у окошка,
Для людей оставаясь зимой.

Так сложилось и так уже будет
Чай гонять, пока снег не сойдёт,
И рыдать, как забытые люди,
Чьи дома одиночество ждёт.

Харманли - город в Болгарии.

ХОРАЛ

Давай побудем в октябре,
Пока мы живы.
Пусть души спорят во дворе
Неторопливо.

Они померкли от дорог
И вечной пыли,
Но среди будней и тревог
Они любили.

Давай очистимся дождём,
Он грязь смывает,
И мы с тобой туда придём,
Где свет бывает.

Пусть ветер стонет, не орган,
И мрак уютится
В углу, где глаз чужих обман
Кричит, как птица.

Лавины, пристани, мосты
Вода в ладошке...
И мрак глядит из пустоты
Чернее кошки.

Забудем всё и помолчим.
Любовь воскреснет,

Вобрав в себя огонь свечи,
Тепло и песни.

Пусть под глазами синяки
Недосыпанья,
Но воскресают дрожь руки
И пониманье.

Пройдут и лето, и зима...
Всё может стать...
Не дай нам, Бог, сойти с ума!
Не дай расстаться.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Завтра будет день хороший,
День родится голубой.
Будет солнце бить в ладоши
И смеяться над собой.

Будет ветер в этом сквере,
На афише – некролог.
Кто-то в смерть свою поверил,
А ведь в жизнь поверить мог.

Некролог неспешно ветер
Прочитает и сорвёт.
Так и жизнь на белом свете
По-людски без нас пройдёт.

ЭПИЛОГ

Весне и Ивану Есенским

Адресами осеннего лета,
Не взирая на то, что гроза.
Ходит зимняя кошка с рассвета
И весенние носит глаза.

А порой и по небу блуждает!
По деревьям, по снегу бродя,
Ничего она не ожидает,
Кроме пыли, снегов и дождя.

Об одном, вероятно, мечтает,
Чтобы с ней не случилось беды,
И пушистым хвостом замечает
И свои, и чужие следы.

ЯМБОЛ

Я, наверное, был плугом
В прошлой жизни, если я
Знаю запах поля, луга
И вчерашнего жнивья.

Знаю я, как пахнет кровью
Чернозём в моем краю.
Потому такой любовью
Землю я люблю мою!

Где любовь, там враг и пули,
Подползает смерть тайком.
И едва ветра подули,
Я из плуга стал штыком.

И один на стены вышел,
Поднял флаг и гимн пою.
Всходит солнце выше, выше,
Смотрит в сторону мою.

Я над крепостью блистаю,
Я сейчас опора тем,
Кто, послушно сбившись в стаю,
Перестал ходить совсем.

Вот и враг об этом знает,
Вот и с некоторых пор

Он огня не применяет,
А использует измор.

Я уже предвижу беды,
Что обрушатся на нас.
А врагу нужна Победа
И она нужна сейчас.

Открываются ворота,
Крепость пала и сдалась.
И врывается пехота,
Устанавливает власть.

А меня как будто нету –
Солью слёз своих давлюсь,
В новой жизни в поле где-то
Снова плугом становлюсь.

Ямбол – город в Болгарии на реке Тунджа.

Ваха ХАМХОЕВ,
перевод с ингушского языка

ГОЛОС

Каких оттенков нет в тебе, скажи?!
Как многозвучен, человек, твой голос!
Он так же многогранен, как и жизнь,
И, как впитавший солнце, тучный колос.

Он при рождении полон серебра –
Что колокольчик, звонок и прекрасен,
А жизнь проходит, и ему пора
Стенать и отправляться восвояси.

ПЕСНИ

Я верю песням, в них живёт душа.
А как, скажи, душе людской не верить?!
Сижу и размышляю не спеша,
Пока меня не тронули потери.

Я верю песням, что звенят вокруг,
Без устали их мудрости внимаю,
И если песни не поёт мой друг,
То я его почти не понимаю.

«ВОР»

Карают вора, значит, поделом,
Но не считают вором и напрасно
Того, к кому сошло с небес стило,
Кто мог писать и коротко, и ясно.

Но взял, да и зарыл талант навек.
Вот он-то и заслуживает кары.
А не зарой, не стал бы человек
Ни злым, ни алчным, и, пожалуй, старым.

ПУТИ-ДОРОГИ

Трудные и лёгкие дороги,
Узкие, широкие пути.
Подводя прошедшему итоги,
Вас нельзя в итоге обойти.

Горные, степные, неземные,
Долгие, короткие мои...
Я вас помню все, мои родные,
Самые желанные мои!

Нам судьбой предписано немало,
Но стезя у каждого своя,
И у всех одна на свете мама,
И свои подруги и друзья.

Но, даруй, судьба, такое счастье,
Чтоб однажды в вечность уходя,
Я к земле остался б сопричастным
Хоть единой каплею дождя.

ОТЧИЗНЕ

Люблю тебя, мой отчий край,
Люблю тебя безмерно я!
Всё мило мне в тебе: ветра,
Травинка, лугу верная,

Цветочек нежный под окном,
Пчела, в поля летящая,
И муравей в лесу родном,
Колосья, хлеб родящие.

В тебе во всём величье есть,
Оно легло на плечи нам.
И для меня большая честь
Тобою быть отмеченным!

РОДНОЙ ЯЗЫК

В устах у старца он кинжал,
Он кладезь древней мудрости,
И если старец слово взял,
То он не скажет глупости.

Над колыбелью тёплой мать
Младенцу шепчет ласково,
И он спешит сейчас понять
Язык, рождённый сказкою.

Молчат джигиты в трудный час
И не придут в отчаянье
Гроза и мужество у нас
Порой сродни молчанию

Воркуют девушки, сойдясь,
И как мозги не пудри им,
В речах их родовая связь,
Покой и целомудрие.

Слова коверкают мальцы,
Поёт привычно радио,
И радостно бубнят отцы
На языке прапрадедов.

ЖЕЛЕЗО

Ну, что же ты наделало, железо?!
Да лучше б камень и пещерный век,
Когда кинжалом ближнего не резал
Такой же неразумный человек.

Да, ты в походах воина спасало,
Став в бранной сече для него щитом.
И ты вначале людям плугом стало
И только лишь оковами потом.

Пламен ГРИГОРОВ,
перевод с болгарского языка

НОЧЬ БЕЗ ЛЮБВИ

Не сплю, моё дыхание снова
Всю ночь танцует надо мной,
И я, как ветер, что без крова,
И сны кошмарные стеной.

И вкусно пахнут травы луга
Ночною горькой тишиной,
И я её, как руку друга,
Поймать спешу порой ночной.

Мне снятся всякие кошмары.
Охотник духов, там и сям,
Несчастный, бедный, с пылу-с жару,
Я ночь разгадываю сам.

Я ночь и небо, шаг за шагом
В глуши к рассвету исходил.
Ни за рекой, ни за оврагом
Я ласк твоих не ощутил.

Но, чувствую, ты дышишь рядом,
Ты, словно камень, холодна.
И стонет вновь звезда над садом,
И вновь мечта воспалена.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Никто не смотрит в свой почтовый ящик,
Никто не ждёт хороших новостей,
В себя уходят люди, словно в чащи,
Болея страхом и виной своей.

На почтах нет ни бомб и ни тротила,
Они и так из шёпота и слёз.
Там жизнь себя сквозь тромбы пропустила,
Чтоб, как лоза, произрастать до звёзд.

Найти бы ключ, чтоб исключить мгновенно
Усталость нашу общую и ложь,
Чтоб заглянуть в свои больные вены,
Встряхнуть бы душу, где печаль и дрожь.

Чтоб ни один простой почтовый ящик
Последний вздох земной не испустил,
Чтоб солнце людям улыбалось чаще
И соловью свистеть хватало сил.

Откройте, люди, свой почтовый ящик,
Не дайте Богу в исступленье взвыть,
Пусть вечный свет, от мирных звёзд летящий,
Земле поможет зло остановить.

БУНТ

Поём о свободе глухой
И с правдой дружить не устали.
А праздник большой-пребольшой,
А будни реликвией стали.

На дереве вечном цветёт
Любви моей ранней улыбка,
И в мутном потоке плывёт
Она, как последняя рыбка.

Отравлено веретено,
Крутившее вечную пряжу,
И больше не видит оно
Настигшую прошлым пропажу.

Не умник, а фокусник я,
Но жизнь обошла меня мимо,
И чёрная шапка моя
Не так оказалась вместима.

Гляжу, а в ней знамени нет,
Там только рубаха в заплатках...
За яркий, живительный свет
Всегда наступает расплата.

Куда я рубаху прибью?
Какою развею мечтою?
Шипит на свободу мою
Идея, которой не стою.

ПОБЕДА

В меня вошли враги и звёзды,
И незаметно мстят и мстят.
Едва вдыхаю светлый воздух,
Как беды звёздные летят.

Нет милости и правды нету,
Любая крепость может пасть,
Как конь троянский, сжить со свету
Готовы люди... Лишь бы – власть!

И тишина от ран звеняща,
Развратны и больны мечты,
И слышишь обо мне всё чаще,
Всё то, что шепчут, слышишь ты.

Бог молча на меня взирает,
За споры с тьмою не виня,
Но дьявол мне не доверяет,
В испуге смотрит на меня.

ЛИЦО

Лица усталого не видно,
Не видно грустных рук в ночи,
И мне за то сейчас обидно,
Что тут бессмысленны врачи.

Беспомощно блуждают руки,
Во тьме стекает с пальцев кровь.
Они не помнят, что в разлуке
Дешёвой сделалась любовь.

Моё лицо, что капля крови.
И как его нарисовать?
Художник должен в не любви
И жизнь чужую проживать.

А он берёт такие краски,
Которым верить не могу.
Художник может жить и в маске,
Симпатизируя врагу.

Но будет призрачно и зыбко
Сиянье на чужом челе,
Когда безлика улыбка
Восторжествует на земле.

БЕЗДНА

А может быть, даже не бездна,
А мысли ничтожной душа
Откроется мне и исчезну
Ворота искать не спеша.

В себе – к тёплым образам детства,
К печалям, дарующим свет.
От этого бедствия деться
Мне в жизни возможности нет.

Но, если себя открываю
Я солнцу, то крылья горят
Незримо. И я забываю,
Что люди о том говорят.

А память в окошко стучится,
И ангел разводит крыла.
И бездна уже не случится,
Она в моей жизни была.

ИКОНА

Ты говоришь, а я не слышу,
Я лишь икона на стене.
Я только слышу, тени дышат
В ночной холодной тишине.

Я лишь икона церкви этой,
Где только свечи и кресты,
Где столько излучаешь света
Одна единственная, ты!

Я ничего в богах не смыслю,
Слезам не верит красота.
Лишь ты меня уносишь в выси
И возвышаешь до креста.

ЗИМА

Деревья уродливы, голы,
И всюду безумствует холод.
И ветер, такой сумасшедший,
На грешную землю сошедший.
О мире, спокойствии молится
В бурьяне за дальней околицей.
Дрожат голоса, как живые,
В которых отсутствую выи.
Слова их кусочками льда
Доносятся сквозь холода.
Находят для жизни сюжеты
Масоны и даже поэты.
Берутся за сложные темы
И светлые пишут поэмы.
Качалок и виселиц – тыщи!
Смеётся над ними снежище.
И лишь снеговик за оградой
Плюётся словами из сада.
Плюёт он, невзрачный, плешивый,
Слова, словно косточки сливы.
Сугробы – как тюрьмы из снега,
Где вечно печали и нега.
И Бог, весь в грязи по колено,
Клянёт себя ночью и денно
За то, что со дня сотворенья
В природе раздоры и тренья.

ПРИГОВОР

Я твоею любовью наказан –
Я без крыльев летаю во сне,
И безжалостно, словно проказа,
Всё любовь убивает во мне.

Я иду и шатаюсь в дороге,
Звёзды прокляли и светлячки,
Порчу дьяволу вина в итоге,
Чтобы ангел не ведал тоски.

Не из рая я изгнан, из ада,
Торжествует безумная ночь,
И великая скорбь, как отрада,
Мне пытается ночью помочь.

ПОРТРЕТ

Он был красив, как будто Бог,
Тот человек, с которым спорил.
Не рисовать его не мог
И рисовал, себе на горе.

Я очень долго рисовал,
Он виделся мне чётко, часто.
Он то и дело оживал
И даровал надежду счастья.

В его глазах ни страх, ни боль
Со дня рождения не жили,
И он играл мужскую роль,
Где смех и боль на сцене были.

И я тогда его любил
И верил, что меня он любит.
И я поныне не забыл
Его обветренные губы.

Но я боялся за себя:
– А вдруг мой труд меня погубит?!
Вставал за холст, людей любя,
И верил, люди тоже любят.

И вдруг портрет заговорил,
Не человек на нём, а краски,

И вроде, был, и вроде, жил,
Не опасался он огласки.

Ему хотелось быть никем
И оставаться дальше серым.
В его глазах пустых совсем
Не виделось любви и веры.

И я не знал, что делать мне,
Спешил и делал только хуже.
Портрет, молчащий в тишине,
Мне абсолютно не был нужен.

Я всё же завершил портрет,
И этот холст попался сыну,
И он сказал, в нём жизни нет,
И, молча, обошёл картину.

ПОЭТ

Чёрная ночь, как собака,
Снова вцепилась в меня.
Слёзы, усталость, однако
Вижу пришествие дня.

Только вот утром не помню
То, что увидел во сне.
И неожиданно понял,
Рушится что-то во мне.

Что-то спросила Денница,
Что мне в ответ ей сказать?
Солнце, подбитая птица,
Светом спешит наказать.

Только лишь дерево в поле
Может меня и понять.
Бьют её молнии, боли
Стойко готово принять.

И умирает победно,
И, догорев на земле,
Помнит, наверно, не беды,
Крону свою на стволе.

Слово моё – гильотина,
Там мне без страха висеть,
Духу святому и Сыну,
Богу о вечности петь.

Благое ВУЙИСИЧ,
перевод с черногорского

На смену спящей меди леса
Приходит время
Серебра.

От пламени леса
Сгорают ключи
И жар от ключей под ногами.

Ночь вяжет тени на моём окне,
А солнце утром
Плавит эти тени.

От поцелуев от твоих
И вызревают в поле
Маки.

Косарь отдыхает,
Но посвист косы
И дальше гуляет вдоль поля.

Из двух лепестков розы
Мальчик ваяет
Нежную бабочку.

До сих пор я в памяти храню
Сказочные
Бабушкины груши.

Сосновый лес.
С коры смола слезится.
Я пью её янтарный аромат.

В густом тумане
Я не узнаю
Любимого загадочного края.

В покинутом птенцами гнезде
Живёт в одиночестве
Плач птицы.

Всё реже снег,
И люди молчаливы,
Всё чаще загораются огни.

Глухое карканье ворон,
И снег уже повсюду тает.
И на душе моей теплынь.

Пернатая пальма
Раскрыла свой зонтик,
Спасаясь от местной жары.

Когда купальщики уйдут,
Слетятся голуби на пляже,
И станет чище этот пляж.

Неубранный стол
Под орехом
Сейчас убирают птицы.

А звёзды на небе цветут,
А в поле ромашки трепещут,
Храня мои светлые сны.

Явилась изморось, орех
Поспешно снял свою одежду.
А луг укрылся серебром.

После ночи, почти неземной,
И лоза загулявшая стала
Сразу синею и золотой.

В чистом небе – весна.
Ночью звёзды – цветные,
Ну, а днём – голубые.

Гора одела шапку белую.
Не за горами и –
Зима.

Остатки лета
Сизые и жёлтые
Мать помещает в вазу, не спеша.

Море целует купальщиц нагих
И торопливо отходит
От них.

Николай КУУЛАР,
перевод с тувинского языка

ЦВЕТИКИ

Вы, душу радуя, росли
В лугах, как синие букетики,
В вас нежность матери-земли
Дней детства незабвенных, цветики.

Вы память лучших юных дней,
Которые уже итожу я.
Я встретил ту, что всех нежней,
И красотой на вас похожая.

ДОЖДЬ

Молния – взмах камчи
Перед большой грозой.
Небо! Скорей ключи,
Шлюзы твои открою!

Ливень, спеши туда,
Где меж камней витая,
Речка мои года
У бережка считает.

Мчи, дождевой поток
Волн жёлто-красно-синих.
Радуга, твой мосток
Через поток перекинем.

Родина, ты в тиши
Снова встречаешь утро.
Стали б дождём для души
Строки мои кому-то.

Николай САНДЖИЕВ,
перевод с калмыцкого языка

АРШАНЬ-ЗЕЛЬМЕНЬ

Лежу в степи, и звёзды надо мною
Сияют и трепещут в тишине,
Но утром солнце встанет озорное
И смочит их, и улыбнётся мне.

А вот в душе звезда совсем другая,
Её не смочит радость или боль, –
Как родина, как мама дорогая,
Как первая и чистая любовь.

Как сибиряк, приучен я к терпенью,
Живу в степи и радуюсь тому,
Что всё несу звезду Аршань-Зельмень я
И не отдам на свете никому.

Аршань-Зельмень – посёлок (сельского типа)
в Сарпинском районе Калмыкии.

ГИМН ВОДЕ

Я гимн пою тебе, вода,
Чтоб не иссякла никогда!

Прозрачная, журчащая, живая,
Хранящая на свете от беды!
Я слёзы пред тобою проливаю,
Я не могу на свете без воды!

Откуда ты в степи моей, святая?
Ни океанов здесь и ни морей,
У нас нет гор, которые бы, тая,
Дарили влагу родине моей.

Какие ты облюбовала глуби,
Какие обманула холода,
Чтоб напоить как мать ребёнка, грудью,
Своей любовью чистою, вода?

Скажи мне, как, не ведая преграды,
Поля ты щедро поишь и сады,
И каждой капле всё живое радо,
И всё вокруг не может без воды.

Какое сердце у тебя большое,
Чтоб устремляясь из глубин земных,
Встать пред людьми с открытою душою,
И добрым взглядом посмотреть на них!

Так пой ключом, и проливайся с тучи,
Дари добро, когда в степи беда,
Ничто так человека не научит,
Как от него ушедшая вода.

Я гимн пою тебе, вода,
Чтоб рядом ты была всегда!

КОНИ КАЛМЫЦКОЙ ПОРОДЫ

Всё уходит, но память жива,
Память крови вселилась в народы.
И нездешние слыша слова,
Мчатся кони калмыцкой породы.

В крепких жилах теснится огонь,
На ветру развеваются гривы...
Как стрела устремляется конь
Сквозь века, чтоб остаться счастливым.

Пусть не резв он, но это пустяк,
Он вынослив, хоть среднего роста.
Скачет степью джунгарский муштак
Через годы, а это непросто.

Узколоб, но спина – тетива,
Грудь широкая степи подобна.
И звенит от копыт синева,
И в степи отзывается дробно.

Целый день проживёт под седлом,
Только он ни за что не устанет.
Он-то знает, за гонку потом
Миг счастливый, как отдых, настанет.

Пьёт он ветер ноздрями взахлёб,
Никогда седока он не предал,

Столько раз без дорог и без троп
Мчался он сквозь столетья и беды!..

Средь ковыльной своей целины,
Не забывшие норы сквозь годы,
Путы рвут на себе скакуны,
Кони чистой калмыцкой породы.

Юй ЦУН (Су СИН),
перевод с китайского языка

ПТИЦЫ И НЕБО

Ветки и сухи, и невесомы,
А на ветках новое гнездо.
Разве может птица жить без дома?
Ей, как человеку, нужен дом.

Мой этюд, конечно, не об этом,
Он о той, что сердце жжёт моё.
В нём незримо притаилось лето,
Поцелуи сладкие её.

Память не предаст и не обманет –
До сих пор волнение не унять:
Прячется меж складками в кармане
Лето подступившее опять.

Птицы невещественны без неба,
Прилетают к людям в трудный час.
До сих пор я не пойму, а где бы
Мы ещё бы встретились хоть раз?!

Я уже, наверно, не узнаю
То гнездо, мелодию тех дней,
Только ни на что не променяю
Небо в птицах, как в цветах, над ней.

Валентина ТАТАРОВА,
перевод с хакасского языка

ВЕТРЫ-КОНИ

Кони диких осенних ветров,
Своенравной природы племя,
Где пасётесь вы, где ваш кров,
Вы в какое летите время?

Вы какие сейчас ковыли
На лету подминаете брюхом,
Не касаясь в полёте земли,
Что вы чутко поводите ухом?

И какие у вас впереди
Облюбованы новые страны...
Отзываются струны-дожди
И печально звучат по курганам.

Надя СТЕПУЛА,
перевод с украинского языка

ЛЕСНАЯ ИДИЛЛИЯ

Трава на цыпочки встаёт,
По кронам вязов ходит ветер,
Ежонку песенки поёт
Ежика. Мир и тих, и светел.

И листья песенку поют
Ежонка в лапках мать качает.
И ничего не замечает,
Уйдя на время в свой уют.

По лугу тёмному цветы
Бегут. И вдруг застыли в танце.
И очень трудно разобраться,
Зачем так сумерки пусты,

Язык деревьев им подвластен...
Спит ёжик маленький в тепле
И улыбается от счастья,
Что тишина на всей земле.

НА ЧУЖОЙ СВАДЬБЕ

То-то выкрикнул: «На счастье!»,
Взял бокал и с шумом встал,
И рассыпался на части
Ослепительный хрусталь.

А жених сложил осколки,
Пред собой сложил на стол,
Одного, я знаю, только
Он, счастливый, не нашёл.

Ну, куда же мог он деться?!
Я глядела и ждала,
Не поняв ещё, что в сердце
Тот осколок приняла.

Михаил ПАСЕЧНИК,
перевод с украинского языка

МОЯ СВЕРСТНИЦА

Я родился в год смерти Сталина,
Год рожденья копейки – мой.
Так потёрта она, засалена,
На руке лежит трудовой.

Моя сверстница, грусти полная,
Как попала ты, невдомёк,
Из металла неблагородного
В мой потрёпанный кошелёк?!

Ты и здесь не осядешь, медная,
Не найдёшь у меня родства, –
Чтоб прославить, ты слишком бедная,
Не отлить из тебя слова.

Только в травы тебя не брошу я,
Не отправлю в металлолом.
И дорога твоя заросшая –
Между городом и селом.

Тридцать лет над судьбою плакала,
Выбивалась в рубли, ждала.
В этой жизни ты столько всякого
И купила и продала.

С миллионами зналась, бедная,
Но на свете жила одна.
Так и я, вот, живу, не ведаю,
Что быть может, мне грош цена.

ХЛЕБОРОБ

Пока стремглав сорвётся солнце с неба,
И глина сапоги облепит мне,
Иду на пашню я за чёрным хлебом,
А с белым возвращаюсь по стерне.

Так каждый год во все четыре стороны
В родную землю высеваю след.
Шагаю в поле щедрое, просторное,
По свой ржаной, по свой нелёгкий хлеб.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД

Железных формочек ряды,
Но греют воздух эти банки.
И вот, из глины и воды,
Восходят ровные буханки.

Их не спеша сажают в печь,
Где властвует сожжённый ветер,
Чтобы такими их испечь,
Чтоб не найти прочней на свете.

Угаснет день и мужики
Возьмут из пламени не чёрный,
Положат красный на лотки
Свой тяжкий хлеб огнеупорный.

ЗЕРНО

I.

Красивее его, благородней,
Золотистой никто не найдёт.
Но посеяй это чудо сегодня,
Завтра утром в ладонях взойдёт.

II.

Я славлю паденье его и приемлю,
Такое паденье сродни высоте.
Уж если падать, то истинно, в землю,
Чтоб к солнцу подняться во всей красоте.

Всем поделились – неправдою, правдою.
Правому – свет, а неправому – тьма.
Как же разделим мы солнце и радугу,
Если сойти не сумеем с ума?

Всем поделились – дворцами, бараками,
И променяли судьбу на суму.
Вот бы узнать у ромашек заплаканных:
«Любит» – кому и «Не любит!..» – кому?

Нет ни конца и ни края раскаянью.
С каждою веткой, спешащей на свет,
Будет делить наша совесть веками нас,
Жизнь же казнить будет тысячи лет.

РУКА

– У него «вверху» рука, –
Шепчет недоброжелатель, –
Ишь, как смотрит свысока!
Вот ужо тебе, приятель!

Эти рассказы грубы,
В них сквозит сплошная злоба.
Я из этой вот избы,
Подступись ко мне, попробуй!

Есть, конечно же, рука,
Хоть доверчива крестьянски.
От сохи, от мужика...
Мне плевать на чьи-то сказки.

И у друга не в Москве,
И не в Киеве у брата.
Есть рука, точнее две,
От трудов тяжеловаты.

У меня рука? Госка!
Не мелите, что попало!
Вон, у дяди есть рука,
Та, что без вести пропала.

У СЕСТРЫ

Гость долгожданный, а слеза – непрошенна:
– Ой, Миша, братик! – И рука – к глазам...
И мне – в плечо: «Чужими стали трошки мы,
Как у людей нельзя, наверно нам...»

На стол – клеёнку, выбитую астрами,
Платок – на плечи, встала у стола:
«Где наше Половецкое, где Астрахань?!
Какой же я отчаянной была!

А что же не приехал ты с невестою?..
Неплохо здесь, поверить можешь мне.
Лишь трудно привыкала к неизвестной я
Фамилии в далёкой стороне.

Рассказывай! А то я набалакала...»
И рюмочку навстречу поднесла.
И в этот миг тонюсенько заплакала,
Племянница свой голос подала.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Спешил я, листвою опавшей шурша,
К деревьям озябшим, звенящим струною.
В осеннем лесу выпрямляйся душа,
Снимай, словно листья, с себя наносное.

Пусть ветер возьмёт, что уже отцвело.
Мне близкой зимы почему-то не страшно.
Я знаю, душа, на тебяросло
Кольцо годовое с тоской о вчерашнем.

В холодных уже, золочёных дождях,
Меж веток, где завязь глубокая дремлет,
Душа, выпрямляйся, выравнивай шаг,
Срывай и бросай наносное на землю.

Цветущая груша как будто маяк,
Чтоб мир среди волн травянистых не сбился.
Земля, что в цвету, дорогая моя!
На этой земле я на свет появился.

Расту и лечу я, подобно лучу,
То ивово вниз, а то вверх тополино.
Как вольная птица, куда захочу,
И светом весенним ты поишь, как сына.

Раскрыли цветы свои алые рты
И с жадностью бросились в солнечный омут.
И сердце готово в груди расцвести,
Успев пробудиться от сладкой истомы.

И в день этот добрый, куда ни пойду,
Я чувствую остро и вижу я всюду:
Я буду у добрых людей на виду,
А, значит, и лишним на свете не буду.

Стеклит в озёрах воду тишина.
В безветрии сентябрьском прохлада.
И в ожиданье ледяного сна
Скучают реки, грустно в небо глядя.

Уже и птицам время отлетать,
Уже и их тоска одолевает.
Летите птицы, я вас буду ждать...
Не снег, не дождь, а листья проплывают.

Я чувствую, что осень подошла,
Что август не сумеет повториться.
Прносятся над крышею села
Большие листья – сказочные птицы.

Деревья ниже. Тени всё длинней.
Какие нынче пасмурные тени!
И в сердце меньше тёплых ясных дней,
Лишь потому, что в сердце больше лени.

Свеча горела на столе...

Б.Пастернак

Снег просветлил мою печаль,
Луг замела позёмка белая...
Рисует профиль ваш свеча,
Но что я сделаю?!

Мне суждено на свете жить
С какой-то выстраданной силою.
О, как смертельно вас любить,
Как жутко, милая!

То снеговечность вижу я,
То вдруг мгновение летучее...
Стоит в слезах свеча моя,
Свеча горячая.

В тесном небе мы жили одни,
Но, как птицы, с тобой разминулись.
Улетал я в морозные дни,
Ты в духмяные травы июля.

Осень наши связала мосты,
Нам от грусти избавиться трудно.
Моя светлая ласточка ты,
Я твой тихий снегирь красногрудый.

Вместе мы, но ты птица не та,
И мы оба ничуть не повинны,
Что тебе дорога теплота
Мне холодная ветка калины.

Древнейшая история не знала
Таких захватчиц и батальных сцен:
Ты рубежи мои перетоптала
И я моё взяла надменно в плен.

Ты посмотри, в твоих темницах плачет
Моя душа, где помыслы светлы.
«Восстань!» – я слышу крови крик горячий,
Но руки подставляю в кандалы.

Кришна Пракаш ШРЕСТХА,
перевод с языка непали
Автор Гимна Вьякул Маила РАИ

ГИМН НЕПАЛА

Гирлянда мы из ста цветов, свободны и
едины.

Меж рек Мечи, Махакали не гнём сегодня
спины.

Богат наш край и дивен он, щедра его
природа.
В крови у нас течёт и свет, и героизм народа.

Земля любимая! На ней – Тераи, Гималаи.
Мы любим родину – Непал и счастья ей
желаем.

Приют религий и культур! Сплелись в тебе
навек
Твои народности, Непал, и языки, и реки.

Цвети, небесная страна! В тебе лишь наша
слава!
Да здравствует родной Непал! Вперёд наша
держава!

Бхагавати БАСНЕТ,
перевод с языка непали

ЛЮБОВЬ

Я – река, стремящаяся к морю,
Ты – ныряльщик, взявший жемчуга.
В самом сердце ты моём, как горе,
Я – в твоём, не вижу берега.

Я – в твоём, а ты – в моём и это
Отраженье боли и тоски.
Только не Ромео, не Джульета,
Только две несчастные руки.

Никогда уже не буду юным,
На тебя, как прежде, не взгляну.
Нам с тобой, как Лейле с Маджануном
Не согреть в ладонях тишину.

В сердце боли и Ранджху, и Хира,
Нет на свете радостного дня,
Потому, что снова тучи мира
Не обходят в этот час меня.

Только свежий ветер, дует с Нила,
Дарит песни милой стороны.
Потому и Родину любила,
Не боясь морщин и седины.

Мне с утра улыбку дарит Сани,
Но на лбу я вижу след намло.
Не желаю в жизни расставаний
С Родиной, с которой повезло.

Плечи согревая рваной шалью,
А точней, непальской маджетро,
Девушка, прикрывшись дальней далью,
Небу улыбается хитро.

Сагарматхи видится сквозь годы,
Серпантины пройденных дорог,
Перевалы, чаутари, броды,
Что когда-то одолеть не смог.

Где бы ни был, вижу Гималаи,
И Тераи снова снится мне.
Я от них себя не отделяю,
Я всегда живу в своей стране.

Сапта-коши бурные потоки
И Сатладж, объединивший нас...
Там живут души моей истоки,
Свет победы нашей не погас.

Я пройти готов дорогой тою,
Острый меч кхукри зажав в руке.
Я чего-то всё-таки да стою,
Хоть сейчас в далёком далеке.

Я бы спел, шагая вдоль границы,
Как когда-то храбрые сыны.
Это же великие страницы,
Летопись родной моей страны.

Только я шагал себе пустыней,
Проливал в дали напрасно пот.
И душа моя от мысли стынет,
Что никто мне годы не вернёт.

Становлюсь и сам теперь пустыней,
Оторвавшись от родных корней,
От земли, от гор её и сини,
Некогда родившийся на ней.

Мне теперь любовь твоя дороже
И нужней душе во много раз.
Может быть, и Родина не может
Нас забыть и молится за нас.

Хорошо, чтоб так оно и было,
Чтоб заблудший шёл к себе домой,
Зная, что она тебя любила,
Знойным летом, лютою зимой.

Знаю я, как тяжело на чужбине,
Никаких не надо мне красот.
Родина любимая, и ныне
Я твой неизменный патриот.

Я стою, считаю волны Нила,
Я смотрю на жёлтые пески.
Родина, ведь ты меня любила,
Ты же избавляла от тоски.

Я не стал чужим птенцом на ветке,
И вдали от Родины моей
Помню я, как бились наши предки,
Помню самых храбрых сыновей.

Я люблю Непал своей любовью,
А не веришь, в сердце посмотри.
Всё оно покрыто алой кровью,
Всё оно изранено внутри.

Никогда уже не буду юным,
На тебя, как прежде, не взгляну.
Нам с тобой, как Лейле с Маджануном
Не согреть в ладонях тишину.

В сердце боли и Ранджху, и Хира,
Нет на свете радостного дня,
Потому, что снова тучи мира
Не обходят в этот час меня.

Намло – лента с верёвками, держащими груз на спине.

Сагарматха – официальное непальское название самой высочайшей вершины мира, известной как Эверест (8848 м). Тибетцы называют эту снежную вершину Джомолунгмой.

Чаутари – каменная платформа с деревьями бара и пипала у горной дороги, где под сенью дерева путник имеет возможность отдохнуть.

Тераи – равнинная плодородная полоса на юге Непала.

Сапта-коши – система семи рек Коши, текущих в горных районах восточного Непала.

Сатландж – река, текущая в Пенджабе, берегов которой победоносно достигла непальская армия к 1814 году в процессе объединения единого государства.

Кхукри – национальное оружие Непала, являющееся обязательным элементом непальской армии и армейского полка гуркхов.

Дал Бахадур ГУРУНГ,
перевод с языка непали

УЧИТЕЛЬ

Я – образец никчёмного учителя
И жизнь свою не в силах изменить.
Все, кто могли, давно меня обидели,
Но продолжают до сих пор винить.

Не смог патуки я купить для матери,
И в трудный час от боли излечить.
Чтоб хлеб душистый увидать на скатерти,
Я продолжал и день, и ночь учить.

Отцу пиджак купить не мог, как многие,
Жене – платок, чтоб слёзы утереть.
Иду никчёмный с болью по дороге я,
И всё надеюсь боль преодолеть.

Но бьёт нужда и снова издевается.
Откуда средства для семьи возьму?
И ничего пока что не меняется
И не встречаются дома по уму.

И как мне быть? Чтоб прокляли родители?
Чтоб дети снова пухли без еды?
Моя жена! Не осуждай учителя,
Ему и так недолго до беды.

Прошу семью терпеть, покуда можется,
Мне не поднять нужды тяжёлый груз.
И я учу, людская мудрость множится,
Хоть я пока никчёмным остаюсь.

И тяжко мне, что не справляюсь с лодкою,
Когда на ней несметная толпа.
В святыню слов изящною походкою
Ведёт меня незримая тропа.

И вновь прошу прощенья у родителей,
И вновь молю прощенья у жены.
Не осуждайте лишний раз учителя,
Которому, быть может, нет цены.

Патуки – кусок длинной ткани, носимый
женщинами как пояс, поворачивая вокруг талии.

Пики ГУРУНГ,
перевод с языка непали

ЧЕЛОВЕК

В людской толпе мой взор потерял,
Сконфужена в своём кругу.
Я – человек и очень верю,
Что я другою стать смогу.

Я от рождения – мужчина,
Но выбираю женский лик.
И это главная причина,
К которой человек привык.

Я ела праздничные блюда,
Я помню сказочный их вкус.
Я – человек, которым буду,
Я измениться не боюсь.

Я человек и эту эру
Мне Будда просвещённый дал:
Во мне традиции и вера,
В моей душе родной Непал.

Я знала ненависть, но всё же,
Как человек, хочу любви.
Любовь, она не только в коже,
Она в сознание и в крови.

Хоть мне порой бывало туго,
Но я всегда была своей.
Я – человек и только друга
Хотела встретить поскорей.

Я стала слабой и убогой,
Такой, наверно, выпал век.
Но я иду, как прежде, к Богу,
Борюсь, а значит, человек.

Добилась многого в итоге,
Но размышляю не спеша,
Что не такая же, как в Боге,
Живёт во мне моя душа.

Какая есть, пока не знаю,
Какою стану, не скажу.
Я человек, и я земная,
И я земле своей служу.

Лекхнатх КАПХАЛЕ,
перевод с языка непали

ПЕСНЯ ЗЕМЛИ

I.

Я протянул печенье нищему,
Шагая сквозь бессмертный Рим.
И купленной в Пекине пищею
Спокойно поделился с ним.

В Нью-Йорке повстречал бездомного,
И яблоко подал ему.
Голландское, как мир, огромное,
Я затолкал в его суму.

Потом бомжа приветил в Токио,
Он, как осенний лист, дрожал.
Я молча вафли одинокому
Американские отдал.

Затем бомжу с глазами узкими
Орехи из Пекина дал
И переулками сеульскими,
От горькой доли зашагал.

Купил пирожное в Тайване я,
Я попрошайку пожалел,

А он, не обратив внимания,
Кокосовую сладость съел.

Купив печенье кукурузное
В Перу, шагал я не спеша –
По Рио, настроенье грустное
Всё не могла прогнать душа.

Не ходят под руку с фортуною,
Живут отчаянно бомжи.
В Сеуле, в Риме, под Хартумом ли,
На лицах их печаль лежит.

II.

Я много походил по свету,
Я видел голод и нужду.
И понял, что страшнее нету
Тех, кто уже попал в беду.

Ни благодарности, ни слова,
Хоть целый мир им протяни,
Они людьми не станут снова,
Не станут прежними они.

Для них везде темно и голо,
Для них не будет райских куш.
О, голод! Неизбывный голод!
Как ты сегодня вездесущ!

Ограниченья и оковы
Для тех, кто не приемлет лесть,
И голод в души им сурово
Глядит и не даёт им есть.

Зато живёт на свете каста,
Не обделённая судьбой.
Жирует на земле и баста,
И не поделится с тобой.

И этой касте счастья мало,
Земли ей мало и она
Поглядывать всё чаще стала
Туда, где Марс или Луна.

А бедняку хотя бы в сутки
Хоть крошку хлеба да воды.
Вся их Вселенная в желудке,
А не влекущий зов звезды.

Пустой желудок серенады
Уже не в силах петь во мгле.
И что-то делать, делать надо
С голодной песней на земле.

Кедра САНКЕТ,
перевод с языка непали

К БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВЕ

(90-летию со дня рождения
королевы Великобритании)

Ваше Величество! Время настало,
Слышите наши шаги?
Гуркхи пришли, и вздыхают устало
Вечные их сапоги.

Ваше Величество, спите спокойно,
Мы в этот час у дворца.
Пусть вам не снятся кошмарные войны,
Слёзы не портят лица.

Мы вам служили и не позволяли
В сторону вашу хулы.
Мы и сегодня другими не стали,
Не побросали стволы.

Мы два столетия верой и правдой
Службу по свету несли.
Не за непальские, ваши награды
Многие в землю легли.

Но пошагавшие много по свету,
Мы уходили в запас.
Нам, как подачку, бросали монеты
И забывали про нас.

Ваше Величество! Так не годится!
Грош нашей службе цена.
Как же мы службою можем гордиться,
Если не в радость она?!

Мы без кхукри у Дворца королевы,
Мы, безоружный народ,
Мы с уважением к вам и без гнева
Просим за службу расчёт.

Службу считавшие честью и долгом,
Шли, выполняя приказ
В Бирму и Боснию, зная, что дома
Ждали с волнением нас.

Мы же блуждали в отрогах Афгана,
Зрели Фолкленды вблизи.
Штопали ветром горячие раны
И утопали в грязи.

Видели рядом Китай, Палестину,
Пали в ближнем бою,
Разве кто видел когда-нибудь спину
Нашу в далёком краю?!

Гуркхи познали и бурю, и холод
В Черапунджи, в Датморе.
Трясся солдат на посту, будто бы голый,
В лютый мороз на дворе.

Где наша гордость, и память о павших,
Где героический путь?
Мы и сейчас за Величество ваше
Горы готовы свернуть!

Что же, ответьте, так дешёво ныне
Ценится воинский труд?
Наши могилы кричат в Палестине,
В Индии гуркхи гниют.

Несправедливо оплачена служба,
Память о нас не нужна.
С нашею кровью и с вашим оружием
Прочь уходила война.

Памятник в Лондоне? Это не много.
Нам надо ставить везде,
Где проходила в сраженьях дорога,
Где утопали в воде.

Наша история тоже богата.
Но не известна она.
Вы не гордитесь непальским солдатом,
Гордость за нас не нужна.

Знаете вы, вашу честь не уроним,
Верите нашим словам.
Доблестно служим британской короне,
Ваше Величество, вам.

Что же так кровь у военных вскипает,
Что там случился за сбой?
Ваша корона за так их скупают,
Шлёт, как всегда на убой.

Кто, кроме нас, попадает в солдаты?
Подданный вашей страны?
Может индеец, бенгалец? Куда там!
Все далеки от войны.

Сколько же можно молчать, замечая,
Что продаёмся за так,
Стоим сегодня, как чашечка чая,
Жизнь наша – вечный пустяк.

Ждали гражданство и пенсию ждали,
Равенства всех на войне.
Чтобы и нам, и британцам воздали
Честно за службу стране.

Помните, мы полегли в Налапани,
Как не сдавались мы там?!
Мы, как наёмники, в Афганистане,
Так же служили и вам.

Ваше Величество, в прошлых сраженьях
Мы потеряли глаза.
Руки и ноги, теперь без движенья,
Но подаём голоса.

Мы не увидим врагов государства,
Не сбережём ваш дворец.
Знайте же вы, что мы создали царство
Преданных трону сердец.

Честь вам не можем отдать на параде,
И прошагать у дворца.
Только ответьте, чего же мы ради
В кровь разрывали сердца?

Мы не больны и лекарства не просим
Для исцеленья души.
Не наступила последняя осень,
Чтоб мы сидели в тиши.

Равенства просим за службу и точка!
Не забывайте о нас,
Чтобы в поход королевская дочка
Нам отдавала приказ.

Нашу петицию суд не забросит,
И не упрячет в сундук.
Ваше Величество, воины просят
Старость продлить им без мук.

Будьте же судьи и вы благосклонны,
К нашим кричащим словам,
Будьте во славу британской короны
Хоть снисходительны к нам.

Гуркх (образовано от топонима «Горкха») – наёмный солдат британской империи из числа воинствующих народностей горного Непала (раи, лимбу, магары, гурунги, кхас и др.). Согласно мирному договору, заключённому в местечке Сугаули после окончания Англо-Непальской войны (1814-1816 гг.) между Непалом и Великобританией в 1816 г., англичане имели право вербовать непальских юношей в британскую колониальную армию, в начале в городе Лахор (ныне-Пакистан).

Кхукри – непальский нож, обязательный атрибут непальского солдата.

Черапунджи – самое дождливое место в Ассаме (Индия).

Налапани – крепость в Кумаоне (ныне – Индия), которую маленький отряд непальских солдат во главе с героем – капитаном Кунваром Балабхадрой оборонял от вооружённой до зубов огнестрельным оружием английской армии во время Англо-Непальской войны (1814-1816 гг.).

Петиция – ветераны гуркхской бригады выступили перед зданием Парламента Англии 6 марта 2008 года с петицией о равноправном пенсионном обеспечении. Сержант гуркх получал пенсию в размере 40 фунтов стерлингов, а англичанин – 600 фунтов стерлингов.

Суд Англии удовлетворил требование гуркхов 3 сентября 2008 года. Им было предоставлено право жительства в Великобритании и получения пенсии в том же размере, как и англичанам.

Андрей ДЖИМБИЕВ,
перевод с калмыцкого языка

СТАРИК И СОЛНЕЧНЫЙ МИР

*Всем, кто судьбой не обделён,
Кто долг пред Родиной исполнил,
Всем, всем живущим мой поклон,
Всем, всем, кто верил, жил, и помнил!*

I.

Четыре дня не спится Старику,
Четыре ночи Старику не спится.
И даже смерть выдавший на веку,
Он стоном близких разбудить боится.

Его опять преследует война,
Встают пред ним поныне, как живые,
Все те, чьи он запомнил имена.
И командиры здесь, и рядовые.

Мерещится ему ночами ад:
Злой дух приходит и вещает властно:
– Напрасно жил на свете ты, солдат!
И это небо ты коптил напрасно!

Что дал тебе послевоенный мир,
Что, кроме лет никчёмного покоя,
И что вместил военный твой мундир
Сурового солдатского покроя?

Ну, чем тебя отметила страна,
За кровь твою, что проливал ты с нею,
И где её медали, ордена,
За ту войну, что не было страшнее?!

Сумел ли ты избавиться от ран,
Нашёл покой в общении с женою?
Скажи, какой, ты к чёрту, ветеран,
Когда ночами руки-ноги ноют?!

Имел ты время покачать внучат,
Имел ты время всё-таки на это?
А наслаждался, как они кричат
И радуются солнечным рассветам?!

Мир этот странен, всюду пустота,
А пустота она всегда бесхозна.
Я заберу тебя в свои места,
В свой мир возьму, пока ещё не поздно.

II.

Но Злому духу властному в лицо
Старик уже готов ответить строго:
– Я был хорошим на войне бойцом,
И не хитрил, не выбирал дорогу.

Я не забыл, что говорила мать,
И что отец мне завещал когда-то,

Я не позволил жизнь стране сломать,
И помнил всё, что в этом мире свято.

И в той войне Великой я хранил
Свой отчий дом, хранил могилы дедов,
И не жалел в боях с врагами сил,
И добывал Великую Победу.

Но не прошу у Родины взамен
Я ничего за кровь свою и раны.
В моей стране они прочнее стен,
В моей стране не плачут ветераны!

Обязан жизнью на земле труду,
Лишь только труд рождает Человека.
И так живу, и так вперёд иду,
И так служу от века и до века.

Со мной всегда тепло моей жены,
И правильные правнуки, и внуки.
Они ведь жизнь продлить мне рождены
И взять судьбу страны Великой в руки.

Они уже продлили мне года,
Но с ними я не становился старше.
И точно знаю я, что без труда
Жизнь на земле вовек не станет краше.

И светлый мир, и всё живое в нём
Даровано Создателем и точка!

Земля и есть один наш общий дом
До самого невзрачного цветочка.

Искать ошибки людям не с руки,
Пустая трата времени всего лишь.
А ты, Злой дух, зажать меня в тиски
Хоть и готов, но вряд ли приневолишь...

Такой ответ на ум ему придёт,
Но промолчит Старик, хоть встрепенётся,
И боль в душе, в конце концов, пройдёт,
И Память задремавшая проснётся.

III.

Не обманул надежд сегодня врач,
Твой дом теперь разбудит дочка внука.
Поплачь, Старик, порадуйся, поплачь!
Жить на земле – и радость, и наука!

Скажи, куда твоя девалась боль?!
Одно известье и такая сила!
И ты встаёшь, ты веруешь в любовь,
Она тебя сегодня воскресила.

Ты руки простираешь к небесам,
Как будто машешь знаменем Победы,
И гимн слагаешь в этот миг ты сам,
Где славить подвиг и отца, и деда:

«Не будет силы никогда такой,
Чтоб всё живое на Земле убила,
Чтобы она одной своей рукой
На небе Солнце людям заслонила.

За этим днём придут другие дни,
И уголёк по ветру пустит пламя.
И ручеёк, щебечущий в тени,
Вдруг озером предстанет перед нами.

Всё повторимо на моей земле,
И жизнь, по сути, тоже повторима.
Иди, Злой дух, и поклоняйся мгле,
Не примеряя маску пилигрима.

Злой дух! Ты понял сказанное мной?»
Но гадкий гость его уже не слышал,
И Старику во тьме сырой ночной
Привиделся летучей робкой мышью.

IV.

Мгновенья спора... но и он затих.
И Жизнь, и Смерть в своём стремленье
правы.
И, торопясь, навек уводит их
Паромщик беспристрастный с переправы.

Молчит старик, в душе его покой,
Он свой уход приемлет без испуга.

Приходит смерть закрыть глаза рукой
И плоть освобождает от недуга.

Злой дух в его уходе ни при чём,
Устало сердце бесконечно биться,
О чём оно кричало под плечом?!
Нам этого от сердца не добиться.

Ушёл Старик, судьбой не обделён,
И долг свой перед Родиной исполнил.
За всё ему великий наш поклон:
За то, что верил, воевал и помнил!

А был он лишь обычным Стариком,
Был кровью, плотью своего народа.
Он до Берлина дошагал пешком.
Он был солдат! Да что, солдат? Порода!

V.

Но вот и Солнце спряталось в зенит,
В крошечной мгле луна уже восходит.
Планета спит, опять планета спит,
И в мире ничего не происходит.

Мир отдыхает от дневных забот,
И звёзды спят таинственно и мудро.
Но вскоре Солнце вечное взойдёт,
И, значит, снова в мире будет утро.

Муххамад Омар НАНГИЯР,
перевод с языка фарси

Я в тебе каждой клеточкой.
Что же ты не со мной?
Ты весенняя веточка,
Ты цветок неземной.

Ты миндалина спелая,
Виноград голубой.
Чтоб ты только ни делала,
Я повсюду с тобой.

В небе солнце восточное
Открывает глаза.
Твоё имя песочное
Позабыть мне нельзя.

Ты любовь, ты душа моя!
Ну, хоть раз позови
Песней лучшею самую
О горячей любви!

Нугзар БАКАЕВ,
перевод с осетинского языка

ЗВЕЗДА

Ты спрашиваешь, мама, что я грустен?
Что иней тронул смоль моих волос?
И что я бледен? Горе не отпустит
Никак. И сердце – чёрное от слёз.

Звезда, что долго путь мой освещала,
И что играла столько лет со мной,
Светить весной мне, мама, перестала,
И поседел я, потерял покой.

И к небу я с тех самых пор взываю,
Свою печаль дарю теперь ночам.
Что делать, мама, если я плутаю.
И сердце ноет, хоть беги к врачам.

Но если шёлк лучей её крылатых
Я сквозь чужое разгляжу окно,
Боюсь, мечтаю, что я взрастил когда-то
Уже со мною быть не суждено.

Искать её в бездонном небе буду,
Но если, мама, всё же не найду,
Я эту песню стану петь повсюду
Весной у гор любимых на виду.

ПУСТАЯ МОГИЛА

Баллада

Мой дядя Граф Борисович Бакаев
погиб в бою с фашистами у Керчи.
По обычаю ему выделили «долю земли»,
но до сих пор пустует могила на нашем
деревенском кладбище.

...Ох, война идёт какая!
Далеко до тишины.
Граф Борисович Бакаев
Не вернётся с той войны.

Пушки бьют, изнемогая,
Возле города Керчи.
Даже Бог не помогает,
И заступница молчит.

... Дым и свист над головою
И не видно ничего.
И война лишь в шаге воеет
От окопа моего.

Свадеб в этот год не будет,
Все они отменены,
И глядят с надеждой люди
В направлении войны.

А она уже другая,
И подняться не даёт,

Всё вокруг себя сжигает,
И всё прёт, и прёт, и прёт.

Крепости стоят мгновенья
И взлетают вверх, как пух.
У войны в повиновенье
Чей-то брат и чей-то друг.

Всё летят, летят снаряды,
Опускаются во мгле.
Сколько ж чёрного наряда
Надо людям на земле?!

Даже танки умирают,
По окопам стаи пуль.
Кажется, что догорает
Не закат, на окнах тюль.

И грохочут пушки грозно,
По лесам окрестным бьют,
И летят с деревьев гнёзда,
Где птенцы уже поют.

И дождит, дождит погода,
Хлещут молнии в ночи.
Нас осталось-то полвзвода
Возле города Керчи.

Мы сидим в окопной жиже,
Источает боль фандыр.

Чьё-то сердце к смерти ближе
И уже не встретит мир.

У бойцов мрачнеют думы,
Пули сыплются со скал.
Сколько ж бог войны угрюмый
Душ к себе перетаскал?!

Что ж ты, Марс, паришь над Керчью?
Русский город в ранах весь.
Но пробить наш город нечем,
Он сбивает с немцев спесь.

Знамя сбить им не по силам,
Сколько враг его не рви.
Здесь дерётся вся Россия,
И стоит по грудь в крови.

И моя здесь кровь сочится.
Пыль от битвы, что туман.
Вот теперь уже и птицы
Сходят на лету с ума.

Но Победа ближе, ближе,
Всё слабей, слабей враги.
Дай нам силы, Уастирджи,
Всем, чем можешь, помоги!

Пушки бьют, изнемогая,
Возле города Керчи.
Даже Бог не помогает,
И заступница молчит.

Не кричу о нашей боли,
Сжав в кулак слова и страсть.
У войны такая доля
Чьи-то души красть и красть.

Хоть война идёт к развязке,
Варит сталь, дюраль, свинец,
Но и ей, как в страшной сказке,
Всё равно придёт конец...

Вот на склон взбежал козлёнок,
И резвится, и шалит,
А у матери спросонок
За него душа болит.

Рядом слышен свист подпaska,
И несёт издалека
Мне река Лиахва сказку,
Что идёт через века.

Из гнезда взглянула птица,
Над стремниной тур застыл

В наше сердце, наши лица
Ворон когти запустил...

Я косу оставил лугу,
Подпоясал свой кинжал,
И по лугу вместе с другом
К месту сбора побежал.

И в одном порыве слиты,
Мы на фронт тогда ушли,
И следы в нагорьях Хслита
Наши с другом проросли.

Я покос другим оставил,
Зорким взглядам сыновей,
И ушёл навстречу славе
Мудрой родины моей.

Помню крепкие объятия
И слова старейшин я.
Вечный траур, а не платья
Носит женщина моя.

Пушки бьют, изнемогая,
Возле города Керчи...
Мама, мама дорога,
Если можешь, не кричи!

Буря буйным тигром выла,
Реки полнились, скорбя,
Но ничуть не жалко было
Мне, упавшего себя.

Я выслеживал Победу,
За собой сажал цветы,
И весна шагала следом
Безупречной красоты!

Но один цветок случайно
На груди моей застыл.
В нём любовь моя и тайна
Той, которую любил.

Дождь лелеет и ласкает,
Ветер сумрачный молчит.
Граф Борисович Бакаев
Под цветком под этим спит.

Это я, и я не знаю,
Как любимая моя,
Дорогая, не земная,
По которой сохну я.

Здесь никто не выл от боли,
В трауре не проходил.
Только ветер, воя в поле,
Мой цветок, меня будил.

...Ива смотрит, как живая,
И в неё вселился я.
Смотрит, глаз не отрывая,
Вдаль, где родина моя.

Пушки бьют, изнемогая,
Возле города Керчи.
Даже Бог не помогает,
И заступница молчит.

Я «сирот» своих не помню,
Старший сын, как призрак мой,
В нём мой дух, мои же корни,
Словно я, ещё живой.

Но мой дом в огне и дыме,
Стонут чёрные грачи.
И моё витает имя
Возле города Керчи.

Словно голос Дзарахмата,
Словно весточка семьи!
Всем и вся придёт расплата
За деяния свои.

Я иду домой отсюда,
Сквозь дожди и сквозь пургу,
Столько лет я верю в чудо,
Но вернуться не могу.

Я с потухшими глазами
Не могу дойти туда.
Дочку я свою Азау
Не увижу никогда.

Потому у сердца фото
Сына младшего носил,
А война была работой,
Где валился я без сил.

Но однажды ночью тёмной
Мне такой приснился сон:
Сын мой младший, сын мой скромный,
Восхищён и удивлён.

Он бежит ко мне навстречу
Через время и мечты,
Он готов уткнуться в плечи,
И вручить отцу цветы.

На лице его улыбка,
Только шаг и вот он я.
Ах, как жизнь земная зыбка,
Как реальна смерть моя!

Не дала обняться с сыном
За околицей у нас,
Где ночами горы стынут,
Звёзды мёрзнут в поздний час.

Показалось, это ветер
Как листок его унёс,
И в горах, где солнце светит,
Водопад кричит до слёз.

Ветер – счастье или горе
Как свирель, издалека?
Пьёт, охрипший, он на взгорье
Молоко из родника.

И такая в этом нежность,
И такая в этом боль!
И глядит, глядит подснежник,
Где мы сын, стоим с тобой...

Пушки бьют, изнемогая,
Возле города Керчи.
Даже Бог не помогает,
И заступница молчит ...

Всё мне кажется, я дома,
Нет печали и беды,
Всё мне близко и знакомо,
Тут везде мои следы...

Старый дуб на гребне горном,
Словно тур взирает вдаль.
И в охапках листьев чёрных
Чья-то чёрная печаль.

Ветер стонет то и дело,
Не утихнет дотемна.
Ну, куда меня ты дела,
Ну, зачем взяла, война?!

Собираю листья молча,
Обнимаю дерева.
И шагают этой ночью
В душу свет и синева.

И тепло чужого дома,
И людская доброта.
И в душе моей истома,
И покой, и чистота.

Созерцаю дом любимый
Еле ноги волочу,
Прохожу неслышно мимо,
И вздыхаю, и молчу.

Спит селенье, отдыхает
От печали и войны,
И храпит, сопит, вздыхает,
И плохие видит сны.

Колесо луны куда-то
Закатилось в поздний час.
От рассвета до заката
Вспоминают здесь о нас.

Старый пёс меня облает,
Не признает, ну и пусть.
Словно спазм, не отпускает
Сердце умершее грусть.

Я почти под сенью крова,
Я молчание храню.
Вот одряхшая корова,
Вот наш конь пристал к плетню.

У него клеймо, примета
Или родинка во лбу?
Он и сам не знает это
И хранит ко мне табу.

Лижут соль быки устало,
Жеребёнок спит, сопя.
Здесь застыло время, встало,
Никого не торопя.

И жуёт ягнёнок жвачку,
Ласточке приснились сны.
Не пори, война, горячку,
Дай хоть каплю тишины.

Дай взглянуть на то, что было,
Дай увидеть белый свет
Без меня моя могила
Столько дней и столько лет!

Сколько раз на этом взгорке
Я скучал, глядел во тьму.
Как сегодня сердцу горько,
Одиноко одному!

Никогда сюда не лечь мне,
Никогда живым не встать,
Мне в земле родимой легче
Смерть бы было вековать.

И ворона замолкает,
И с небесной высоты:
– Граф Борисович Бакаев! –
Окликает, – где же ты?!

Поросли травкою склоны.
Где же ты моя коса?
Я б косил траву с поклоном,
Слушал птичьих голоса.

Здесь дожди ещё не лили,
Здесь я молод и силён.
Здесь меня не разлюбили,
Здесь я счастлив и влюблён...

Впереди в огне Европа,
Я туда не добреду.
А над бруствером окопа
Я с косою своей иду.

Снова танки встали ромбом,
Продолжается война,
И в окоп мой мокрый бомбы,
Как в могилу, шлёт она.

Я сейчас в другой могиле,
Я сейчас в родном краю,
Где всегда меня любили...
Жаль, что умер, не встаю...

Здесь, у нас, не многолюдно,
Некому пожать руки.
Но когда вам будет трудно,
Помогу вам, земляки.

Хоть потухшими глазами,
Хоть молчанием своим,
Вашу боль перегрызаю,
И на том, земля, стоим.

Я отец и это значит,
Мне уже бессмертья нет,
Приношу другим удачу,
И дарю мирный свет.

Я солдат и в этом сила!
Пусть, обычай наш храня,
Будет жить моя могила
Рядом с домом, без меня.

НЕТ

Мне ненавистно слово нет,
Оно мне вымотало душу,
Ведь от любимой я в ответ
Его всю зиму только слушал.

Теперь, услышав от других,
Не сдержан сразу же бываю,
Вместо любимой, я на них
За это слово зло срываю.

ЭКСПРОМТ

Свет глаз твоих мне светит как лампада,
В нём солнца шёлк со мной играет днём.
Твоя улыбка, что заря над садом,
А я сию замёрзшей птицей в нём.

ТУНЕЯДЕЦ

Осетинская поговорка

Ножи свои затачивал народ:
– Пора призвать к ответу тунядцев!..
И тунядец поддержал: «Вперёд!
Давайте вместе их под корень, братцы!»

Стою в саду своих мечтаний,
Следы считаю юных лет,
В моих стихах не перестанет
Горючих слёз струиться свет.

Стою один, и лунный вечер
Над головой. Я полон сил.
Экран небес не только плечи,
Всю юность сразу отразил.

ВОДОПАДЫ

Водопады, водопады, водопады!
Я о вас стихи свои пою.
Прыгаете вы, куда не надо,
Шею не боясь свернуть свою.

Я смеюсь над вами то и дело:
– Что за жизнь – о камни головой?!
Только как бесстрашно и умело
Путь в них пролагаете вы свой!

Я порой завидую вам страстно,
Что в опасность можете бежать,
Вам, кто в завтра падает бесстрашно,
Горы заставляя задрожать.

Вам, кто в дали рвётся полной грудью,
Горным криком будит всё окрест...
Водопады горные, как люди,
Вы несёте свой холодный крест.

Пусть всегда звучат в горах фандыры,
Завлекая музыкой меня.
Если надо, я прикрою дыры,
Заслону от пули и огня.

Что вы сторонитесь, что случилось,
Что не стал для вас уже родным,

Что, скажите, сделал я, на милость,
Вашим добрым струям ледяным?!

Ну, прошу, вперёд не убегайте,
Трудно с вами наперегонки!
Вы лицо своё оберегайте
От беды, печали и тоски.

Я хочу, как прежде, только с вами
В океаны, дальние моря.
Самыми красивыми словами
Я стихи пою о вас не зря!

Водопады, водопады, водопады!
Сколько лет прекрасных за спиной!
Я помчусь за вами, если надо,
Если вы останетесь со мной.

Он пришёл и... ушёл.
Он пришёл. И что же?
Пусто всё, нехорошо,
И мороз по коже.

Никогда не уходил
И не возвращался.
Может, вовсе он не жил,
Может, не прощался!

БОЮСЬ

...Боюсь: неверно всё, что мило.

А.С. Пушкин

Город притих и завидует мне.
Ты ж мою душу не знаешь,
Свет своих окон в ночной тишине
Ты у меня отнимаешь.

С думой своею опять остаюсь.
Это же адская мука!
Сердце колотится так, что боюсь,
Город проснётся от стука.

Раскрой секрет своей печали!
Какой цветок любимый твой?
Я в сад твой девственный в начале,
Как в омут, брошусь головой.

И прорасту в сиянье цвета
В твоём божественном саду,
А в самой середине лета
Цветком твоим к тебе приду.

ГДЕ ТЫ?..

Этот свет из твоего окна
Рвётся безрассудно мне на встречу.
Крепко держишь ты его за плечи,
Не давая отдыха и сна.

Ох ты, горе, горюшко моё!
Где моя любимая, не знаю!
Только на себя я и пеняю,
Что живу на свете без неё.

Снова ночь отдельно проведём.
Не полюбишь ты, ну и не надо!
Хватит мне и голоса и взгляда,
И свеченья в имени твоём!

РОМАНС

О, весенний, божественный ветер!
От улыбки твоей и проказ
Отвернусь как от счастья на свете,
Что случилось со мною не раз.

Всё ты можешь проделывать с нею:
Её шею касаться и глаз,
Её губ, от которых немею,
И волос, заплетённых сейчас.

Крепок я, и удачлив, и статен,
Но завидую, ветер, тебе,
Когда ты беребишь её платье,
Когда всё позволяешь себе.

Когда вводишь в томленье и краску,
Моему нетерпенью назло,
И пускаешься в песню и в пляску,
Потому, что тебе повезло.

... Вон голубка присела на ветку
Бесподобные в клюве цветы.
Но попробуй, закрой её в клетку,
И лишишься такой красоты.

Я бы взял её в спутники сразу,
Если б мне подмигнула она,
Но мешает и ревность, и разум,
И твой сказочный взгляд из окна.

У судьбы прошу одну награду
И другой на свете мне не надо:
Дать бессмертье женщине моей,
Чтоб она рожала сыновей,
Чтоб всегда счастливою была
За столом семейным, у стола.
Я бы смерть навеки придушил,
Если б только сам бессмертным был.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

– Ты жив, ты жив! – мне горы говорят.
– Ты жив, ты жив! – мне ласточка шепнула.
– Ты жив, ты жив! – который год подряд
Доносит шторм, чтоб родина уснула.

– Ты жив, ты жив! Горит в ночи свеча,
– Ты жив, ты жив! Как в сказку верю в это,
Ты, вероятно, вечность повстречал
И вместе с нею шествуешь по свету...

– Ты жив, ты жив! И траур мать сняла.
Ты жив, ты жив! Осетия дожждётся!
И ты вернёшься, ведь она ждала.
А что ещё Отчизне остаётся?!

– Ты жив, ты жив! Ведь похоронки нет.
– Ты жив, ты жив! Не бросил поле боя.
И в полный рост поднимешься чуть свет,
И ниц война падёт перед тобою.

РЕБЁНОК

Он утром выпал из гнезда,
Сидит у нашего порога,
И в доме ласточки беда,
На поиски зовёт дорога.

Что делать птице наконец?!
Такая буря в сердце свищет!
Её кровинушка, птенец,
Домой дорогу не отыщет.

И я в ночи не сплю сейчас,
И траур птицы понимаю,
Свою малютку в поздний час
Всё крепче к сердцу прижимаю.

Я б страстно целовал тебя,
Но весь укутанный пелёнками,
Наш сын, пустышку теребя,
Взирает чёрными глазёнками.

И я стыжусь за свой порыв –
Он в колыбельке знает многое.
Пока ещё он так ревнив,
Я алых губ твоих не трогаю.

ПИСЬМА

О письма женщины нам милой!
От вас восторгам нет числа...
...Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу...
Н.А. Некрасов

Твои письма – цветы полевые,
Твои слёзы – дождинок следы.
Годы, годы мои грозовые,
Сберегли вы меня от беды.

Глажу юности чуб непокорный.
На забор, что мешал нам, гляжу.
Белым мелом на дереве чёрном
Твоё имя опять вывожу.

ТЫ РОЗА?

– Ты роза?

– Я роза!

– Я ветка в саду.

А хочешь, к ногам я твоим припаду?

Чтоб ты заалела в покое ночном,

Чтоб вспыхнула в сердце заблудшем моём?

– Ледник ты?

– Не знаю... Наверно, ледник.

А хочешь, чтоб солнцем к тебе я приник?

Чтоб холод придуманный твой растопил

И чащу из горного снега испил?

– Ты море?

– Я море! И это по мне!

– Я рыбу стану в твоей глубине!

И буду бесшумно всплывать за тобой,

Когда обратиться решишь ты в прибой!

А вдруг ты луна в поднебесье ночном?

Давай мы с тобою по тучам пойдём.

Я спутником стану, твоею звездой,

И будешь ты рядом всю жизнь молодой.

И темень рассеем с тобой навсегда,

Лишь только б услышать заветное: «Да!»

ТОГДА И ГОВОРЮ

Эй, сердце, что ты так взгрустнуло!
И что так скисло, не пойму!
Ведь ты меня не обмануло,
Не подарило никому.

Я думу думаю, а всё же
Я благодарен тем, кто был,
И ничего в душе дороже
Тех женщин чистых, что любил.

Я в пошлость циников не верю,
Любовью не был я богат,
И я любви открою двери,
Когда чуть слышно постучат.

Я молчалив, когда ты рядом,
А если вдалеке, пою
О том, что ты могла бы взглядом
И душу потрясти мою.

Хоть расставанья наши редки,
Я, как без солнца и луны,
Как птица на осенней ветке,
Одни и те же вижу сны.

Когда б я стал свирелью Нартов,
То онемел бы в тот же миг
Под пальцами, что пахнут мятой,
Все мысли бы твои постиг.

– Свет, куда бежишь?

– От мрака!

– Мрак, куда?

– Туда, где свет!

Как бездомная собака

Ходит мрак, а света нет.

– Буря, что ты снова рыщешь?

– Я врага ищу века.

– Лук, скажи, кого ты ищешь?

– Я ищу клеветника.

– Солнце, ты куда родное?

– В гости, в горы тороплюсь!

– Туча! Ты куда?

– От зноя!

На земле воды напьюсь.

– Птичка звонкая, далече?

– В лес, к родимому гнезду.

– Девушка, куда под вечер?

– Я к любимому иду!

Зима говорила ребёнку:
– Я всех не стрижу под гребёнку!
Но сущность людская одна,
И трогает всех седина.

И ранят заботы и беды,
И даже порою победы.
Но что назиданья ребёнку?
Послушал и тут же в сторонку.

К груди материнской приник.
И так к этой жизни привык.
Не помнил того разговора...
А зимы являются скоро.

НО НАВЕКИ

Ты вернулась в родное село,
И тебя я нечаянно встретил.
Сколько лет беспроглядных прошло,
Сколько звёзд догорело на свете!

На лицо тебе осень легла,
Ты шагала, о чём-то страдая.
А какой ведь плясуньей была!
Молодая была, молодая!..

Твои дивные косы искал
И глаза твои тёмные-то же.
Взгляд влюблённый с тебя не спускал.
А твой голос мне сердце тревожил.

Чернобровую деву искал,
Свет звезды и луну, что над кручей.
Тосковал я один, тосковал
И себя, нелюбимого, мучил.

Ты вернулась в родное село,
И тебя я нечаянно встретил.
А тебя, как зимой замело...
И такое бывает на свете.

О, ЕСЛИ БЫ

Завидую тебе, когда в дороге,
Когда на гордый профиль твой смотрю.
Хотя и рано подводить итоги,
Я всё-таки тебя благодарю!

Смеёшься ты, как девушка, лаская,
И светом осеняешь нам сердца.
В глубины неба души увлекая,
Ты их и очищаешь до конца.

В озёрах неба ты почти как рыба,
Резвишься безоглядно до утра.
Спасибо месяц ветренный, спасибо
За каждую пригоршню серебра!

Как уточка светящаяся, с неба
Слетаешь ты, к рассвету вышив ночь,
Я был бы счастлив, коль случилось мне бы,
Как и тебе, кому-нибудь помочь.

Но я боюсь, что не оставлю следа.
Любя людей, седею всё сильней.
Суметь бы мне добыть в пути победу
Для тех, кто мне дороже и родней.

ЛЕТО В ГОРАХ

Водопады хлопают в ладоши,
Наковальни звонкие стучат.
Утро обещает быть хорошим,
Лишь его бы правильно начать.

Косари затягивают песни,
Достают свирели пастухи,
И рождаются, воплощаясь в песни,
В слух произнесённые стихи.

Щебет птиц и дождь у водопада,
Две косули на вершинах гор.
Ничего другого мне не надо,
Только б их душевный разговор.

НЕХОТЯ УШЁЛ

Постукивая тросточкой, согбенный,
Прошёл старик, проживший долгий век.
И нехотя, как будто бы сквозь стену
Прошёл и растворился человек.

С тех пор глаза свои не отрываю
От тех следов, затерянных во мгле,
И дума, неотступная такая,
Мне не даёт забытья на земле.

Я понял вдруг, что я кому-то нужен,
Могу помочь и счастье принести.
И я себя подбадриваю: «Ну, же!
Попробуй силу в вере обрести!»

И я встаю за слабых и увечных.
Но столько слёз живёт в душе моей!
Всё потому, что жизнь не долговечна
И в пояс надо б поклониться ей.

Прошёл старик, прошёл к воротам рая,
Три раза в те ворота постучал.
Затворник, те ворота открывая,
Приветно головою покачал.

СОЛОВЕЙ

Коста Хетагурову

Весь мир – мой храм,
Любовь – моя святыня,
Вселенная – Отечество моё.
К.Л. Хетагуров

Какое лето доброе с утра,
Какая радость сердце озаряет!
И птица, неприметна и мудра,
Для всех живущих песни повторяет.
Какое лето доброе с утра!

Неспешно ветер опустил с гор,
Траве зелёной поправляет пряди.
Я слушаю деревьев разговор,
На кроны их таинственные глядя.
Неспешно ветер опустил с гор.

Уже трава на цыпочки встаёт,
И босиком в траве гуляет ветер.
И солнце озаряет небосвод,
И с высоты для всех живущих светит.
Уже трава на цыпочки встаёт

Роса, как жемчуг, сколько ни гляди,
Ликует в жизнь влюблённая природа.
И дальний путь печальный позади
У соловья из горного народа.
Роса, как жемчуг, сколько ни гляди.

Его свирель в родительском краю,
А песни вдаль летят по белу свету.
Я слышу их и внукам их пою
И ничего для них дороже нету.
Его свирель в родительском краю.

ЗАВЕЩАНИЕ

Послушай, ласточка, ты полетишь на юг,
Споёшь там песни о далёком крае.
И встретит мать моя, тебя, мой друг,
Родная мать, совсем уже седая.

Она всё вспоминает обо мне,
И, вспоминая, постоянно плачет.
Ты ей скажи, что в дальней стороне
Я жив-здоров, не может быть иначе.

Послушай, ласточка, ты полетишь на юг,
Где девушка моя живёт в печали.
Ты отыщи её среди подруг
И поцелуй любимую вначале.

Но правды всей ты ей не говори,
Её и так преследуют печали.
Напомни лишь как с нею до зари
У водопада новый день встречали.

Но братьям ты, пожалуйста, не лги!
Скажи им правду, это очень важно,
Что вспоминают обо мне враги,
Как в бой последний я шагнул отважно.

Какое слово страшное – война!
И я с неё уйти уже не смею.

Ну, а когда цена войне страна,
Я даже мёртвый буду вместе с нею.

Пусть в честь Победы приведут быков,
Устроят пир, и винные кувшины,
Которым скоро будет сто веков,
Пусть осушают за помин мужчины.

Снимите траур, я ещё живой,
Я вместе с вами праздную Победу.
И в каждом доме я сегодня свой,
Но в дом родной никак я не доеду.

У МОГИЛЫ БОЕВОГО ТОВАРИЦА

Угас и он, как витязь благородный,
Не кинув бой неравный до конца.

К.Л.Хетагуров

Встаёт рассвет... На лилиях роса,
Прекрасным розам дарит небо слёзы.
Как редко здесь услышишь голоса!
Здесь люди молча опускают розы.

И солнце тут восходит не спеша,
Расчёсывает волосы на скалах.
Как та, о ком ещё грустит душа,
Которая женою мне не стала.

На самой круче голосит олень.
Какое-то здесь проклятое место!
Скажи, охотник, убивать не лень?
А смог бы ты убить свою невесту?!

...Глухая песня керченской воды
Звучит надрывно, будто бы фандыры.
И соловей горюет у звезды,
Где рядом спят бойцы и командиры.

Угрюмый дуб с обилием листвы,
Он помнит бой и то, как пуля пела.
Стоит, не поднимая головы,
Над тем, чьё сердце здесь окаменело.

И этот дуб на всей земле один,
Нет никого вокруг ему роднее,
Чем павший за Отчизну осетин,
И дуб теперь навеки связан с нею.

Не говорите матери о том,
Что нет его и сына ждать не надо.
И я смолчу, что он в краю чужом-
За скромною железною оградой.

Я смерть его скрываю от села,
А мать беду уставшим сердцем чувствует,
Но ждёт его, глядит из-за угла,
И сердце ожиданием врачует.

Друзья мои! Пред вами не солгу,
Не говорите матери об этом:
На керченском горячем берегу
Я отыскал его могилу летом.

Там место есть, поросшее травой,
А рядом с ним сплошные камни, камни...
И дуб стоит угрюмый, вековой,
С бессильными отцовскими руками.

МОЛОДОСТЬ

Моему сыну Чермену

Ну, как же тебя назвать?!
Ну, что же ты есть такое?
Ты песни, что пела мать,
Лишая меня покоя.
Ты вечно живой росток,
На ветке в саду листок...
Хоть слово скажи какое...
Ну, как же тебя назвать?!
Ну, что ж ты есть такое?!
Я буду твой сон ласкать
И гладить тебя рукою.
Улыбку твою ловить,
И с этой улыбкой жить,
И радость свою не скрою.
Ну, как же тебя назвать?!
Ну, что же ты есть такое?
Ты солнце? Заря? И, знать,
Теплынь под моей рукою.
У матери в сердце свет,
Которого ярче нет.
Ты счастье её земное!
Ну, как же тебя назвать?!
Ну, что же ты есть такое?
Ты ласточка, чтоб летать
В имение родовое.
Ягнёнком, что хочет пить,
И вечно в народе жить,

И с радостью, и с тоскою.
Ну, как же тебя назвать?!
Ну, что же ты есть такое?
Стеклом, что нельзя ронять,
И радугой над рекою.
Всем тем, что люблю до слёз,
Чем сам эти годы рос,
И что в этом мире стою?
...Ребёнок идёт к реке,
Грибы беззаботно ищет.
Ягнята невдалеке,
Тучнеют от вкусной пищи.
Ребёнок неукротим.
На это я не пеняю.
Бегу и бегу за ним
И молодость вспоминаю.

ГРАНИЦА

Остановился скорый поезд.
Застыл. Дороги дальше нет.
За окнами, в траве, что в пояс,
Свои глаза продрал рассвет.

И сразу как-то неуютно,
И к сердцу подступает боль.
Сосед, волнуясь, поминутно
Свой первый вспоминает бой.

Остановился скорый поезд
И замер, будто бы не свой.
И я заглядываю в повесть
О жизни нашей фронтовой.

Вновь соловьи поют над Бугом,
Сплошь в обелисках Керчь и Брест.
История идёт по кругу,
Как поезд, встав у этих мест.

И если только не хранится
Уже потомками она,
Заглядывает им же в лица
В мундире новеньком она.

Не спят штабы, снуют разведки,
В садах вишнёвая пурга.

И наши предки, наши предки
Идут с кинжалом на врага.

Как далеко всё это, Боже!
Как будто это всё моё!
И вновь заходит мне под кожу
В степи монгольское копьё.

И точно бьёт под сердце шмассер
Среди украинских полей...
Запечатлей всё это, мастер!
Для всех живых запечатлей!

Пусть в нашей памяти хранится
И доблесть предков, и судьба.
А начинается граница
У пограничного столба.

Её хранят прилежно персы,
Оберегают турок, финн.
Граница! От куста до леса,
От гор Кавказских до равнин.

Играть здесь в игры не пристало.
Не тронь границу, ведь она
Показывать не перестала,
Какая за спиной страна.

К ТЕБЕ, РОДСТВЕННИЦЕ МОЕЙ

Лучше бы всю жизнь прожил несчастным,
В горести провёл свои года,
Но тогда с лицом твоим прекрасным
Я не повстречался б никогда.

Может быть, я встретил бы другую,
И себя от близких не таил,
А любовь другую, дорогую,
За семью дверями не хранил.

Ты же оказалась мне роднёю!
Ничего на свете нет страшней –
Обходить в печали стороною
Ту, кто всех и краше, и нежней.

А вокруг одни глаза и уши.
Как не сбиться с верного пути,
Как бы мне обычай не нарушить,
Как бы мне черту не перейти?

Но живу за рамками приличий,
Петь хочу, как вешний соловей,
Чтоб позволил дедовский обычай
С родственницей встретиться своей.

Шелест трав и звонкий гомон птичий.
Сколько счастья в нашей стороне!
Что ж со мною сделал ты обычай,
Если сердца больше нет во мне?!

ГОРЫ

Глаза мне горы вновь таращат вслед,
Как вол уставший, плятятся без спроса.
А башням в скалах ныне сотни лет,
Но кладке их и славе нет износа.

А башни многим преграждали путь,
Под тяжестью держались многотонной
Напастей пришлых и залётных пуль,
Но не издали жалобы и стона.

Вон водопады смотрят свысока,
Как будто из котлов бездонных льются.
Из этих струй и речи земляка
И сказочные тосты создаются.

Ну, что они поют в рассветный час,
Куда они в своём безумном беге?
И клёкот в них орлиный, и не раз,
Как и фандыр, грустят о горном снеге?

... Легла на сердце лютая зима.
Как поседели души от мороза!
Но юноша, влюблённый без ума,
Горянку будет воспевать как розу!

Скажи, Чермен, какое молоко
Дарила мать, тебя, мальчика, лелея,

Чтоб мог ты подниматься высоко,
Но оставаться в мыслях рядом с нею?

Здесь, что ни парень встречный, то Батрадз,
Их свет Отчизны озарил любовью,
Но за неё родители не раз
Сполна платили счастьем или кровью.

...Глаза мне горы вновь таращат вслед,
Как вол уставший, пялятся без спроса,
А башням в скалах ныне сотни лет,
Но кладке их и славе нет износа.

ДОМ ОТЦА

Не унесёт меня отсюда горе,
Любовь меня от гор не оторвёт.
И что мне буря, если вечно горец,
Где вырос, там до смерти и живёт.

Не уподоблюсь перелётным птицам,
Тепла искать не буду на земле,
А если что-то чёрное случится,
Найду покой в родительском тепле.

Наш старый дом с холма глядит устало.
Шинель и сабля... Всё, как и при мне.
Кинжал, ружьё из вечного металла
Всегда покой даруют в тишине.

Одни отцы оставят детям деньги,
Другим подарят воронёный «ГАЗ».
Ах, дети, дети, радостные дети,
Ну, как же мне безрадостно за вас.

Мне до сих пор подлец в горах, что кровник,
А зло – мой враг, я совестью пленён.
Я водопад, я птица и не ровня
Всем тем, кто в край родимый не влюблён.

Всем, кто не слышит мельничного вздоха,
Не видит в кузне светлого огня...

Какая же великая эпоха
Прошла с набатным гулом сквозь меня!

Явилась осень – всё в моей кладовой,
В моём загоне – тучные стада.
И ожил дом забытый мой по новой,
И он забыт не будет никогда.

Вот мой аул и боевые башни,
Журчит в ущелье и блестит река,
Поёт она о прошлом, о вчерашнем,
Хранит свои сказания века.

Отцовский дом! Суров ты в дни тревоги.
Отсюда шли мужчины на войну
И саблю оставляли на пороге,
Чтоб сохраняла в доме тишину.

Не унесёт меня отсюда горе,
Любовь меня от гор не оторвёт,
И что мне буря, если вечно горец,
Где вырос, там до старости живёт.

ПИСЬМО В РОДНОЙ АУЛ

Приеду в гости я в июле
И поселюсь в родном ауле.
Поляна станет спальней мне
В полынной сонной тишине.
Вокруг фруктовые сады
И звонкий голосок воды –
И родника, и ручейка,
Где спят в обнимку облака.
Где солнце на заре встаёт,
И роза всласть ему поёт.
Здесь, в изголовье у степи,
В платке звездастом небо спит.
Приеду в гости я в июле
И поселюсь в родном ауле.
Когда-то здесь, в рассвете сил,
Отец мой молча проходил.
Шагал, глотал целебный воздух,
И расточал судьбу, как звёзды.
Его могила с косогора
Глядит сейчас немым укором.
На белый сад, на белый сад,
Цветущий сотый год подряд.
Я поселюсь в родном ауле,
Где жизнь мне некогда вдохнули.
Ах, сколько молодых отсюда
Ушли навек, не встретив чуда.
Не досказав заветных слов,
И сделав из любимых вдов.

Темны надгробья, но они
Как поминальные огни.
Вот здесь и поселюсь у входа
На страже своего народа.
И первый гостя буду чтить
Того, кто к нам придёт пожить.
Не пропущу в родной аул
Того, кто друга обманул.
Шлагбаум опущу пред ним,
Чтоб не пришёл к моим родным.
Здесь в каждом доме (и не зря),
Встаёт румяная заря.
Здесь душу лечит каждый куст,
Как слово, что слетает с уст.
Надежды вновь не обманули –
Я поселюсь в родном ауле.
И если где-то спозаранку
С кувшином встречу я горянку,
Она соседкой будет мне,
Красна, как утро в тишине.
А чью-то повстречаю мать,
Своею буду называть.
Тепло аула мне в разлуке
Незримо согревает руки.
Как мне желанны и близки
И мой аул, и земляки!
Как мог я жить без них досель,
Моя родная колыбель?!
Здесь в такт стучали мне сердца
Любимых дедов и отца.

Здесь их могилы столько лет
Живущим источают свет.
Приеду в гости я в июле
И поселюсь в родном ауле...
Нигде на свете я не мог,
Как здесь, не чувствовать дорог.
Не знал усталости я здесь,
А значит, что я местный весь.
Не горек сладкий мёд чужой,
Но чёрный хлеб он всюду свой.

Рассветает... Звёзды меркнут.
Очи смежила луна.
И подснежник точной меркой
Выпил капли ото сна.

Двор свой подметает дворник,
Пухнут почки от тепла.
И глотая воздух горный,
В мой аул весна пришла.

И зевает, и зевает...
Но кричит о чём-то вслух,
Снова голос надрывает
Переживший кур петух.

Появившись из-за моря,
Ласточка с пчелой поёт.
Не бывает в мире горя,
Если мирно сад поёт.

А в глубокое ущелье
Спрыгнул белый водопад.
– У кого просить прощенья?
– Да проси у всех подряд!

Это в жизни пригодится.
И просить ведь есть за что.
Водопад летит, как птица,
Распахнув своё пальто.

Я тихонько подпеваю,
Да и буду подпевать.
Я добра не забываю
И не смею забывать.

Вьётся песня над погостом,
И печальна, и вольна,
И великий голос Коста
Понесла ко мне она.

В нём течение речки горной,
Сказка наших предков есть,
И характер непокорный,
И достоинство, и честь.

Профиль гор белобородых –
Профиль вечных стариков.
Каждый камень – дань народу,
Для потомков, для веков.

Сердце гор от битв устало,
И ему не до войны,
В нём железного металла
Чудеса погребены.

И живут своею верой
Все тринадцать, спят у скал
Возле кладбища Згудери,
Возле города Цхинвал.*

И они встают ночами
На охрану этих мест,

И бессонными очами
Озирают всё окрест.

И ущелья им и выси,
Таинства свои открыв,
Слушает беззвучно Хциси
Вновь айдаровский призыв.

Лишь орёл летит над Ресом,
Над горами держит путь,
Над рекой, над синим лесом,
Чтоб душою отдохнуть.

Там, где в скалы бьётся Терек,
Где огонь горит вдали,
Где в Хазби, в победу веря,
Клялся именем земли.

Там, где песня о Чермене
Долетает сквозь века,
Нету мысли об измене
В нежном сердце земляка.

Я готов ту песню слушать,
Ведь судьба Отчизны в ней.
Постоянно чью-то душу
Заслоняю я своей.

*В 1920-м году у кладбища Згудери возле города Цхинвал грузинскими меньшевиками были зверски расстреляны 13 осетинских коммунаров.

СЧАСТЬЕ, ГДЕ ТЫ, ЯВИСЬ!

(Монолог матери)

Моя мать Настя неожиданно ослепла
и часто от тяжёлого переживания говорит:
«Единственная струя света равноценна
всей человеческой жизни».

– Счастье, где ты, явись!
Это ж элементарно!
Дай глазам моим жизнь!
Буду век благодарна!

Я за бурей во след
Отправляюсь нежданно.
Где он, солнечный свет,
Где он, самый желанный?!

Столько лет на земле
Проживала беспечно.
Неужели во мгле
Находиться мне вечно?

Этот солнечный луч
Не вернёт мои очи.
Мне в глаза с горных круч
Только вечные ночи.

Вместо друга опять
Появляется недруг,

Его голос под стать
Ледниковому ветру.

И гуляет вокруг
Много праздного люда,
И улыбки подруг
В их глаза отовсюду.

Спой мне, спой, соловей,
Загляни в мою душу.
Средь зелёных ветвей
Ты умеешь и слушать.

Ты и видеть мастак,
Видел всякие души.
Что-то будет не так,
Если солнце потушат.

Жизнь почти удалась,
Я согрелась в покое,
Но зима ворвалась,
Натворила такое!

Я иду к роднику,
Чёрен он, словно кровник.
Наклоняюсь к цветку,
Утыкаюсь в терновник.

Счастье я обрела,
Только счастье с горчинкой,

А какую была
В этом счастье начинка?!

Как поют петухи!
Я их песни любила,
Тьму родных и стихи
Занавеской прикрыла.

Я за бурей вослед
Отправляюсь нежданно.
Где он, солнечный свет,
Где он, самый желанный?!

Я по свету хожу,
К небу руки вздымаю,
Солнца не нахожу,
Тьму за свет принимаю.

Счастье, где ты, явись!
Это ж элементарно!
Дай глазам моим жизнь!
Буду век благодарна!

8-Е МАРТА

Как песни Нартского фандыра,
Я радость мамину ловлю,
Желаю счастья ей и мира,
И говорю ей, что люблю!

Я ей тайком за школьной партой
Писал стихи и нёс домой.
Я, как цветы, к 8-му Марта
Ей подарил подснежник свой.

Искал слова к стихам упрямо,
И вечный баловень семьи,
Я не слова, а сердце, мама,
Вдыхал в творения свои.

Что хочешь, мама, делай с ними,
Хоть в них прощения прошу,
Я в них твоё святое имя
С почтеньем вслух произношу...

Я в колыбели. Слышу звуки,
Что в сердце перейдут моё,
И мамы ласковые руки,
И голос сладостный её.

Она, ко мне склоняясь часто,
Дарует всю свою теплынь.
В глазах её волшебных счастье
И неба сказочная синь.

Как далеко всё это ныне,
Но я расту, живут во мне
И запах вековой полыни,
И свет закатный на окне.

...Как далеко всё и как близко!
Горит, мерцающая, фитилёк,
Облизывает кошка миску,
В окно стучится мотылёк.

И ты с усталыми очами,
Уплыв сейчас за сто морей,
Сидишь бессонными ночами
Над колыбелькою моей.

Тебе сегодня это снится:
Опять мерцает фитилёк,
И сердцу твоему не спится,
Покуда не уснул сынок.

О, как долги такие ночи,
Когда без отдыха и сна,
В твои заглядывает очи
С небес сошедшая луна!

А ты проворно, по привычке,
Для не рождённых сыновей,
Всё вяжешь, вяжешь рукавички
С печалью светлую своей...

8-е Марта в мире снова,
И я опять к тебе несу,
Но не подснежники, а слово,
Собрав в нём всю твою красу.

8-е Марта! Солнце дарит
Проходим женщинам лучи,
И водопад сейчас в ударе,
Им что-то нежное кричит.

...Как песни Нартского фандыра,
Я радость мамину ловлю,
Желаю счастья ей и мира,
И говорю ей, что люблю!

ЭЛЕГИЯ

Все радости и все мечты
Я положил в твой гроб дубовый.
И знаю, в трудный час и ты
Меня, отец, поддержишь словом.

...Являлась тьма со всех сторон,
Но добывали свет природе
Цари Рамзес, Тутанхамон
И потому живут в народе.

Но что ты там ни говори,
А зачастую были строги.
Цари, они и есть цари,
И были подданным как боги.

И были мудрыми у них
Великолепные богини,
И сохранили облик их
В чеканке золотой поныне.

Обманчив недоступный вид,
Воздвигнутых почти руками,
До неба вставших пирамид,
Неразрушимых словно камень.

Точили их дожди и зной,
Живущие поодаль страны.
Стоят они передо мной
И пересчитывают раны.

... Горят лучины на гробу,
Горят последние минуты.
Кому доверишь ты судьбу
И душу передашь кому ты?

Как юбилейные цветы,
Мерцают скорбные лучины.
Твои последние мечты
Несут печальные мужчины.

Лучины к гробу твоему
Крепил старик белобородый.
Обычай повелел ему
Крепить их от лица народа...

Печально колокол вздохнул
И разрыдался, как ребёнок,
А, кажется, на всю страну
Разносит боль свою спросонок.

До кладбища ещё чуть-чуть,
Но непонятно мне и дико,
Как, совершив последний путь,
Склонила голову гвоздика?!

Народ твердит твои слова,
Ты щедро их ему оставил.
Святой? Пророк? Молчит трава,
Которую косил и славил.

А белый голубь облака,
Как коршун птиц несметных гонит.
Твоя тяжёлая рука
Сейчас в гробу дубовом тонет.

Лицо твоё последний раз,
Как солнце, разгоняет тучи.
И ты мне кажешься сейчас
Былинным витязем могучим.

...Судьба всегда своё возьмёт
И всех оценит по заслугам.
Я беззащитен и глазаст,
Шагаю придорожным лугом.

Уже последняя свеча
Неумолимо тает, тает.
Тепло отцовского плеча
Никак меня не отпускает.

И боль, и радости в гробу,
Бессилие моё и силу,
А впрочем, и мою судьбу
Несут теперь в его могилу.

I.

Глядит с родимого порога
За мной рассеянно весна.
Я юношей ушёл в дорогу,
Но привела назад она.

Не я один ушёл отсюда,
С обидой многие ушли
Искать любовь свою и чудо
От мест родительских вдали.

Придут на родину не скоро,
Забравшись в городской уют,
Храня приличье, через горы
Они мне руку подают.

О, горе, сёстры вам, и братья,
Молюсь, чтоб всё сбылось у вас,
Чтоб заключить вас всех в объятия
Я мог в благословенный час.

Мы расставаньем долгим сыты,
Я знаю, вам не ведом страх.
Вернитесь в дом родной, джигиты,
И хлеб растите на полях.

У вас всегда кинжалы остры,
У вас рука других живея...

Вернитесь в дом родимый, сёстры,
Растите храбрых сыновей.

Пусть дома вам легко поётся,
Пусть здесь вам встретится жена.
Вернитесь в дом родной, как солнце,
Вернитесь, братья, как весна.

Вернётесь, укорять не стану,
Ведь предки, встав под алый стяг,
Ходили вдаль из Бургустана
И брали сумрачный рейхстаг.

Я это так, я это к слову...
Чего заладил, я да я?!
Вернитесь в дом родимый снова
Седого Губа сыновья.

Я верю, ждать осталось мало,
А я намерен долго ждать,
Когда наполнит вам бокалы
Солёными слезами мать.

II.

Наш дом мне: «Здравствуй!» – не сказал,
Как поседел я, не заметил,
А были у него глаза,
Наверно, лучшими на свете.

В него врезалась и не раз
И постоянно буря била.

И время самых зорких глаз
Родимый дом навек лишило.

Тут мама, прямо на лугу,
Корову стельную доила.
Я и припомнить не могу,
В каком году такое было!

Отец точил свою косу
И на лугу встречая зори,
Сбивал холодную росу
И с ним в косьбе никто не спорил.

Вот стены дома моего,
В нём жили и луна, и солнце.
По сути, нет уже его
И сердце, кажется, не бьётся.

О, как изменчив этот мир!
Почти как женщина и лира.
Хочу собрать себе фандыр
Из щепок бывшего фандыра.

Луна застыла надо мной,
А я люблю такую лунность.
Как телевизор, в час ночной,
Мне небо возвращает юность.

...Шаги считаю прошлых лет,
В стихах всё новые сюжеты.
Но если слёз в них жгучих нет,
То и стихов, пожалуй, нету.

НЕ ГОВОРИ, МАМА

Не говори, что нет отца у нас,
Что в доме нашем пасмурно и стыло,
Что он дрова не привезёт сейчас,
Чтобы зимою печка не грустила.

Не говори, что нет отца у нас...
Кому пасти корову над аулом,
Кому вести телёнка в ранний час
На тот лужок, где росы сводят скулы?

Не говори, что нет отца у нас...
Кто скосит сено, чтобы скот был сытым,
Кто кость теперь собаке нашей даст
И злости ей придаст и аппетита?

Не говори, что нет отца у нас,
Что в доме нашем пасмурно и стыло...
Зима в душе, и свет ушёл из глаз,
И слёзы ты до капли осушила!

Не говори, что нет отца у нас,
Что нету горю твоему предела,
Что он огонь развёл последний раз
И что опять для нас он это сделал.

Не говори, что нет отца у нас,
Что не войдёт, не скажет: «Лежебоки!»,

Что чёртики весёлые из глаз
Запрыгают и встанут, руки в боки.

Не привезёт орехов и конфет,
И за столом хозяином не сядет,
И тост заздравный он не скажет, нет,
И не прижмёт тебя и не погладит.

Что он, устав от дел и от разлук,
Свои на плечи не опустит руки.
А как ты ждал его тяжёлых рук,
Когда в наш дом входили эти руки!

Не говори, что нет отца у нас,
Что рук его шершавых больше нету.
Они на войнах были столько раз
И свет несли другим по белу свету.

...Ах, руки, руки моего отца,
Они вот-вот заглянут из-за двери...
Пока стучат у нас с тобой сердца,
Живёт отец и в смерть его не верю!

Я ВЕРНУЛСЯ К ТЕБЕ, МОЙ АУЛ

Я вернулся и жму твою руку!
Били ветры и била гроза,
Но сияли сквозь дым и разлуку
Мне твои неземные глаза.

Твоя грудь и усталые плечи,
И опущенный в ножны кинжал,
Вспоминал я от дома далече,
Словно женщину, их обожал.

Я встаю пред тобой на колени,
Я вернулся, вернулся домой,
Я тобой зачарованный пленник,
Милый мой, милый мой, милый мой!

Я гляжу, как расцвёл без меня ты,
Как амбары, кувшины полны!
И все думы твои мне понятны,
И все самые светлые сны.

Я прощенья прошу за седины,
За печаль и морщины твои.
Ты прости меня, блудного сына,
Если можешь, то зла не таи.

Я вернулся, чтоб в поле пшеницу
Жать, отары водою поить.
Мне поныне лицо твоё снится.
Как же мог без него я прожить?!

Я вернулся! Вернулся! И снова
Позабыть все обиды молю.
Вот рука тебе, вот тебе слово,
Что с тобою судьбу разделю!

Ты трудяга, и ты же опора
Для моей необъятной страны,
Самый крошечный сказочный город,
Но которому нету цены.

Ты мужчина, целующий пашню,
Открывающий земли варяг,
И тебе, хлеборобу, неважно,
Что ладони твои в волдырях.

Твой кинжал не согнулся от крови,
Помнит сталь его грозный Зивлет.
Я к тебе со своею любовью
Возвратился, пройдя белый свет.

Ты отнюдь не гора из гранита,
И не горный строительный клён,
Ты мужчина, сраженьями битый,
Человек, в ком десятки имён.

Мы с тобой продолжаем беседу,
Неоконченный наш разговор.
Ни за что, никуда не уеду
От своих повелителей – гор.

Это ты косишь сочные травы,
Это ты благородный пастух,

Это ты, сохраняющий траур,
И старейшина, плачущий вслух.

И в годину воинственных оргий,
Когда трудно Отчизне твоей,
Шлёшь на битву, где первым – Георгий,
Самых младших своих сыновей.

Я вернулся, вернулся... Как брата
Обнимаю тебя, мой аул.
Как меня обнимал ты когда-то,
Сев у люльки бессонно на стул.

Ты такие рассказывал сказки,
Песни пел сладострастные мне,
И вливаешь волшебные краски
В моё детское сердце во сне.

Ты, как мать, что стоит на дороге
В необъятной печали своей,
В неизбывной и вечной тревоге,
Провожая своих сыновей.

А потом уже ждёт возвращенья
И готовит бокалы с вином.
Я вернулся! И, кроме прощенья,
Я тебя не прошу ни о чём.

Я вернулся! От радости плачу!
Головой поседевшею – в грудь.
Ничего для тебя я не значу,
Но пытаюсь, хоть взглядом, вернуть.

ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ БЫВАЕТ

I.

Перед дождём то молния, то гром,
На миг в свету то горы, то ущелья,
Цветок с испугу не цветёт потом
И избегает всякого общенья.

Душа желает радости земной,
Но горе постоянно ей мешает,
И памятники вновь передо мной
Обугленное сердце размещает...

Когда дожди приходят по горам,
От шума их и сердце словно птица.
А друг уходит, оставляет нам
Своей души сияющей частицу.

Луна плывёт почти над головой
И рады ей сегодня Маг с Джермугом.*
Но ты в печали, друг давнишний твой,
Как оказалось, не был лучшим другом.

Весна придёт, но не любой ценой,
А подлость друга – это только случай,
И он всегда останется со мной,
И я уверен, станет даже лучше.

Пусть паутина не затянет дом,
Ведь паутина – чёрная примета,

Будь проклята свирель, что за холмом,
Когда в ней нет ни радости, ни света.

Я сорок лет живу в родном краю,
Зима всё ближе и грозит бедою.
Я воспеваю родину свою
И стать хочу для родины звездою.

II.

Луна плывёт почти над головой
И рады ей сегодня Маг с Джермугом.
Осетия! Я верный голос твой,
Добра тебе желаю, словно другу.

Я сорок лет живу в родном краю,
Они парят, что голуби над крышей,
На холмах и в долинах я стою,
Как пограничник, каждый шорох слышу.

Хоть от дорог болит моё нутро,
Не знаю ни покоя я, ни лени.
От страха я не выроню перо,
Не встану перед смертью на колени.

Я в час беды не спрячусь за других,
Не буду лёжа созерцать, как пламя
Возьмёт за грудь сородичей моих
Короткими, но цепкими руками.

И если я не вытащу кинжал,
И появлюсь на праздничной пирушке,

То, значит, я всю жизнь и пролежал,
Как инвалид рожденья, на подушке.

Но эта участь вовсе не по мне,
По мне сражение, ну а после танец.
Я не смогу в родимой стороне
Стоять, как обалдевший иностранец.

Не устою, когда вздохнёт фандыр,
Когда герои звякнут орденами,
Я не смолчу, когда от слова мир
И белый голубь пролетит над нами.

Прошу, налей, старейшина, бокал!
Я выпью за Осетию, как надо!
Я, как и все, отважно воевал,
Не подавай, Осетия мне яда.

Пои, как в детстве, лаской, молоком,
Я не предатель, не предай позору!
О, Родина, всё в имени твоём,
И всё доступно и душе и взору!

Но если б я когда-нибудь узнал,
Что предал сын тепло родного края,
Я свой бы острый вытащил кинжал
И в грудь ему вонзил, не размышляя.

А смерть бывает на земле лишь раз,
Харон увозит души через реку,
И выпадет не каждому из нас
И умерев, остаться человеком.

Пошады никогда не попрошу,
Когда паду случайно на колени.
И потому письмо своё пишу
Мужчинам из грядущих поколений.

Я сорок лет живу в родном краю,
Они парят, как голуби, над крышей,
На холмах и в долинах я стою,
Как пограничник, каждый шорох слышу.

III.

Случается, уходит человек.
Тому бывает разная причина.
И я хочу прожить на свете век,
Как труженик, как воин, как мужчина.

Пусть птица запоёт в моём саду,
Она сродни фандыру и поэтам.
Куда же я от Родины уйду,
Не напоив балладами и светом?!

РОДНОЙ ОЧАГ

О, Волга! После многих лет
Я вновь принёс тебе привет.

Н.А.Некрасов

I.

Я стою и лунный вечер
Над моею головой.
Вспомнил юность. Юность лечит,
Счёт не предъявляя свой.

Вот туда добыть бы визу
И помчаться на вокзал!
Небо – это телевизор,
Что всю юность показал.

Звёзды, как артисты в гриме,
Космос – море и кино.
И луна, как жук, что с ними
Этой ночью заодно.

Гребни скал – рога бараньи,
Облака – пуховый плат.
А ущелья утром ранним,
Что кувшин, в котором – клад.

В нём невиданные сказки!
Высь ущелья, посмотри,

Дарит солнечные краски
В росах дремлющей зари!

Родники – тесьма из ниток,
Не боятся высоты.
Звёзды – серьги или свиток,
Ледники в горах – щиты.

Всё блестит и всё сверкает
В перламутровую ночь.
Красота не отпускает
И не гонит ночью прочь.

И к заре Венера мчится,
Крепко обуздав коня,
И росой луг сочится
И к себе зовёт меня.

П.

Мы смотрим сообща кино:
Моё село, собака Мила.
Не спим, хотя уже давно
Ночь с неба крылья опустила.

...Играет в жмурки детвора,
И женщины, под стать иконе,
Прядут печально до утра,
И на лугу пасутся кони.

На пашне отдыхает плуг,
Глядит устало землепашец,
И борона, упав на луг,
Железными руками машет.

После охоты дремлет кот,
Он и во сне мышами бредит.
Никто к нам в гости не идёт,
Издалека никто не едет.

На небе новое кино
О вечном, дорогом и чистом,
И новый день зовёт оно,
И звёзды в эту ночь – артисты.

Заснули овцы у плетня,
И куры на шестке заснули.
И очи, полные огня,
Джигиту в этот час блеснули.

Красавица запрёт окно,
Мелькнёт папаха из овчины...
Такое вот у нас кино,
Такие сельские картины.

III.

Любимый дом не знает сна
И поседел от ожиданья.

Моя далёкая весна
Ко мне явилась на свиданье.

Свист пастушонка на лугу.
Как мы с мальчонкой этим схожи!
Я детство в сердце берегу
И часто дни его итожу.

Я открываю наш сундук
И снова ощущаю слёзы,
И слышу сердца давний стук,
Рука дрожит, как ветвь берёзы.

На этих фото до войны,
Запечатлевших мир и лето,
Ушедшие на фронт сыны:
Граф, Вася, Илико и Бета.

Ах, Бета! Сказка не врала
От камня – три пути-дороги,
И ты к околице села
Свой путь не отыскал в итоге.

Я вижу кровь, я слышу плач,
Я слышу женский стон протяжный.
Ах, Вася! Ты бывал горяч,
Но дрался за страну отважно.

Звучат родные голоса,
И всё сильнее сердце бьётся,

И там, где синие леса,
Мой древний род с врагами бьётся.

А это – Граф... Такой косарь!
В бою не прятался от пули,
Она возьми да и ударь,
Пока её не обманули.

О, как всё это далеко
И как всё невозвратно это!
Один лишь только Илико
Домой с войны пришёл в то лето.

... Тут похоронен старший сын,
И старый дуб всё это помнит.
Он у села лежит один,
А рядом с ним пасутся кони.

Храни вас, братья, тишина!
Вы мне уже сегодня дети.
Да будь ты проклята, война,
И что с ней связано на свете.

IV.

Я стою и лунный вечер
Над моею головой.
Вспомнил юность. Юность лечит,
Счёт не предъявляя свой.

Солнце ластится упрямо,
От лучей его светло.
Не лучи, а кудри мамы
Дарят мне своё тепло!

Всё играет в бирюльки
С бестолковым мотыльком.
Это я в семейной люльке
И вишу под потолком.

Значит, счастлив я. Не так ли?
Не должно другого быть,
Если я в родимой сакле
Научился жизнь любить.

Я не вырос недотрогой
Или маминым сынком.
И ушёл своей дорогой
С неказистым узелком.

Я дорогой шёл прямою
И на всё хватало сил,
Вот и встретиться с зимою
Я случайно позабыл.

Безусловно, буря била,
Дождь резвился, падал снег,
Всё равно на свете было
Счастья больше, чем у всех.

Слушал песни водопада,
Свист пастушьего кнута.
Лучше нет, да и не надо
Мест, чем эти вот места!

Значит, счастлив я. Не так ли?
Не должно другого быть,
Если я в родимой сакле
Научился жизнь любить!

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав Пенев, Близость родной земли	3
Никола Иванов, Поэзия естества	5
Альберт Оганян, Воодушевлённый родиной	8
Гриша Трифонов, перевод с болгарского языка	
А завтра	12
Стена.....	14
Архипелаг.....	16
Берёза.....	19
Бургас	20
Вечный календарь.....	21
Воскрешение	23
Гарнизонный вальс	24
Города 1	26
Города 2.....	28
Гости.....	29
Гримёр и смерть.....	30
Дары осени	31
Дверь.....	32
Женщина-птица	34
Забывтая гроздь	36
Зелёная повесть.....	38
Изгнание из ада.....	43
Кабацкий музыкант	45
Кабачок.....	47
Казанлык	49
Комета Галлея	50
Крест.....	53
Летопись.....	56
Литературное чтение	58
Молитва.....	60
Мужской профиль	62
Надпись на последнем источнике.....	63

Ноктюрн	64
Ночной дождь	65
Обрыв	67
Октябрь.....	69
Падший ангел.....	70
Перечитывая Ботева	72
Пловдив	73
По ту сторону.....	74
Последняя весна	76
Почти чайка.....	77
«Пусть снова гитара заплачет...»	83
Путь	86
Сезон после дневных ветров.....	88
Скрипки.....	90
Снег	91
Стара-Загора	92
Харманли.....	93
Хорал	95
Хороший день	97
Эпилог	98
Ямбол.....	99
Ваха Хамхоев, перевод с ингушского языка	
Голос.....	101
Песни	102
«Вор»	103
Пути-дороги	104
Отчизне.....	105
Родной язык	106
Железо	107
Пламен Григоров, перевод с болгарского языка	
Ночь без любви	108
Почтовый ящик.....	109
Бунт	110
Победа	111

Лицо.....	112
Бездна	113
Икона	114
Зима	115
Приговор	116
Портрет.....	117
Поэт	119
Благое Вуйсич, перевод с черногорского	
«На смену спящей меди леса...»	120
«От пламени лета...»	120
«Ночь вяжет тени на моём окне...».....	120
«От поцелуев от твоих...».....	120
«Косарь отдыхает...».....	120
«Из двух лепестков розы...»	121
«До сих пор я в памяти храню...»	121
Сосновый лес	121
«В густом тумане...»	121
«В покинутом птенцами гнезде...»	121
«Всё реже снег...»	121
«Глухое карканье ворон...»	122
Пернатая пальма	122
«Когда купальщики уйдут...».....	122
Неубранный стол	122
«А звёзды на небе цветут...»	122
«Явилась изморось, орех...».....	122
«После ночи, почти неземной...»	123
«В чистом небе-весна...»	123
«Гора одела шапку белую...»	123
Остатки лета.....	123
«Море целует купальщиц нагих...»	123
Николай Куулар, перевод с тувинского языка	
Цветики	124
Дождь	125

Николай Санджиев , перевод с калмыцкого языка	
Аршань-Зелмень	126
Гимн воде	127
Кони калмыцкой породы	129
Юй Цун (Су Син) , перевод с китайского языка	
Птицы и небо	131
Валентина Татарова , перевод с хакасского языка	
Ветры-кони.....	132
Надия Степула , перевод с украинского	
Лесная идиллия.....	133
На чужой свадьбе	134
Михаил Пасечник , перевод с украинского	
Моя сверстница.....	135
Хлебороб	137
Кирпичный завод.....	138
Зерно.....	139
«Всем поделились...».....	140
Рука.....	141
У сестры	142
Осенний лес	143
«Цветущая груша как будто маяк...».....	144
«Стеклит в озёрах воду тишина...».....	145
«Снег просветлил мою печаль...».....	146
«В тесном небе мы жили одни...».....	147
«Древнейшая история не знала...».....	148
Кришна Пракаш Шрестха , перевод с языка непали	
Гимн Непала.....	149
Бхагавати Баснет , перевод с языка непали	
Любовь	150
Дал Бахатур Гурунг , перевод с языка непали	
Учитель	155
Пики Гурунг , перевод с языка непали	
Человек.....	157

Лекхнатх Канхале , перевод с языка непали	
Песня Земли	159
Кедра Санкет , перевод с языка непали	
К британской королеве.....	162
Андрей Джимбиев , перевод с калмыцкого языка	
Старик и Солнце	168
Омар Нангияр , перевод с персидского	
«Я в тебе каждой клеточкой...».....	174
Нузар Бакаев , перевод с осетинского	
Звезда.....	175
Пустая могила	176
«Пушки бьют, изнемогая...».....	179
«Буря буйным тигром выла...».....	181
Нет	189
Экспромт	190
Туняец.....	191
«Стою в саду своих мечтаний...»	192
Водопады.....	193
«Он пришёл и ушёл...»	195
Боюсь	196
«Раскрой секрет своей печали...».....	197
Где ты?.....	198
Романс	199
«У судьбы прошу одну награду...»	200
Без вести пропавший	201
Ребёнок	202
«Я б страстно целовал тебя...»	203
Письма.....	204
Ты роза?.....	205
«Тогда и говорю...».....	206
«Я молчалив, когда ты рядом...».....	207
«Свет, куда бежишь?..»	208
«Зима говорила ребёнку...»	209
Но навеки	210

О, если бы.....	211
Лето в горах	212
Нехотя ушёл	213
Соловей	214
Завещание.....	216
У могилы боевого товарища	218
Молодость	220
Граница.....	222
К тебе, родственнице моей.....	224
Горы.....	225
Дом отца	227
Письмо в родной аул	229
«Рассветает. Звёзды меркнут...»	232
«Счастье, где ты, явись!..»	235
8-е Марта	238
Элегия.....	241
«Глядит с родимого порога...»	244
Не говори, мама	247
«Я вернулся к тебе, мой аул...»	249
Чего только не бывает	252
Родной очаг	256

Литературно-художественное издание

СИЛКИН Владимир Александрович

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Книга переводов

Литературный редактор – Н.М. Силкина

Корректор – М.В. Силкин

Вёрстка – А.Б. Фортуна

Дизайн обложки – А.А. Галаева

Подписано в печать 20.08.2017 г.

Формат 60х90 1/32. Объём 8,44 усл. п.л.

Гарнитура Times. Печать офсетная.

Бумага офсетная 80 г/м².

Тираж 200 экз. Заказ № 794.

Издательство ООО «ЗЕБРА»

г. Белгород, ул. Костюкова, 36 «а».

Отпечатано в типографии «ЗЕБРА»

г. Белгород, ул. Костюкова, 36 «а».

Тел/факс (4722) 588-262

ISBN 978-5-9906374-7-4

9 785990 637474